

A movie poster for the film 'Nastya Lyubimka'. The scene is set in a grand, dimly lit ballroom with a large, ornate chandelier hanging from the ceiling. In the center, a woman with long, wavy brown hair, wearing a green and gold corset-style dress with a full skirt, holds a small, ornate mask. She is looking down at it. Next to her, a man in a dark coat with a green sash and a white lace cravat looks at her with a thoughtful expression, his hand near his chin. In the background, other guests in period costumes are visible, including a woman in a red dress and a man in a green coat and mask. The overall atmosphere is romantic and elegant.

НАСТЯ
ЛЮБИМКА

(НЕ) *Желанная*
ГЕРЦОГИНЯ

Из 75 в 23!

Настя Любимка
(Не) Желанная герцогиня

«Автор»

2022

Любимка Н.

(Не) Желанная герцогиня / Н. Любимка — «Автор», 2022 — (Из 75 в 23!)

Очнуться в другом мире, чужом теле и понять, что ты никому не нужна. Так, придаток к собственному ребенку. И даже титул ничего не значит, потому что всем заправляет любовница мужа. Впрочем, Анастасия Павловна сдаваться не привыкла. Дайте только время во всем разобраться и тогда еще посмотрим, кто перед кем склонит голову!

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	12
Глава третья	20
Глава четвертая	28
Глава пятая	36
Глава шестая	44
Глава седьмая	51
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Настя Любимка

(Не)желанная герцогиня

*Леночка Сова, спасибо тебе!
За то, что в самые черные дни
нашла для меня минутку и вдохновила на эту историю.
Маленькой Анестезии привет!))*

Глава первая

– Да когда же ты разродишься, тварь?!

Меньше всего я ожидала услышать подобные слова, когда разлепила тяжелые веки. Честное слово, лучше бы их не открывала. И вообще не приходила в сознание. Спазм и режущая боль скрутили мгновенно, из глаз брызнули слезы, а я не сдержала крика.

– Тужься, дрянь! – напутствовали меня.

Сквозь мутную пелену в глазах, чувствуя дрожащее, как в лихорадке, тело, я едва различала очертания людей. Но новая схватка забрала последние силы.

– Мертвый? – нетерпеливо спросила женщина. – Он мертв?

Хилый писк, переросший в уверенный крик, стал ответом.

– Мальчик, – объявили ей.

И пусть мне было невероятно плохо и больно, я все же нашла в себе силы, чтобы чуть приподняться и посмотреть вокруг.

– Еще немного, Ваша светлость, – произнес, скорее всего, врач, сидящий у моих ног. – Последу выйти нужно...

– Кто?! – в комнату влетел мужчина. Он даже не посмотрел в мою сторону.

Почему-то это отозвалось застарелой обидой.

– Мальчик, Ваше сиятельство! – та, что награждала меня нелестными эпитетами, вышла вперед, неся на руках младенца, наспех завернутого в пеленку.

«Сколько ж на ней цацок...» – подумала я.

А потом меня накрыло.

Я буквально в огне плавилась! Так невольно и о геенне огненной вспомнишь, и все грехи свои тяжкие.

Сложно сказать, сколько это длилось. Я несколько раз приходила в себя, была напоена чем-то кисловатым на вкус и снова уплывала в пламенное беспамятство.

В какой момент все изменилось, сложно сказать. Я понимала, что все еще без сознания, что моему телу больно и плохо, но при этом видела то, что никак не могла соотнести со своей жизнью – земной жизнью Настасьи Павловны (для своих родных и близких) и Анестезии Падловны для всех остальных.

Мельтешение лиц, событий... И апофеозом – просьба молоденькой девочки, смотрящей, кажется, в самую душу своими синими, словно безоблачное летнее небо, глазами. И не отказать никак! Чай сердце не каменное, а горе девчонки неподдельное, глубокое. Такая тоска и стылая боль, что отвернуться-отмахнуться не выйдет, за свою принимается.

И клятва, что легко срывается с губ, обещание позаботиться о том единственном, что осталось от несчастной.

Я проснулась, но какое-то время продолжала лежать, не шевелясь. Мне нужно было хоть немного привыкнуть к новым ощущениям, к себе новой! Попытаться хоть как-то структури-

ровать увиденное и услышанное в беспамятстве. Хотя интуиция подсказывала, что в нужный момент я смогу воспользоваться любым из знаний той, чье место теперь заняла.

А заодно смириться с тем, что я не спятила под старость лет и действительно оказалась в теле роженицы в момент ее смерти. Еще и в другом мире.

Так, Настасьюшка, не время горевать о прошлой жизни. Да и что о ней горевать? Сына воспитала настоящим мужчиной, бизнес давно ему передала, железной рукой руководит на зависть врагам, на радость семье. Невестку в дом привел почти идеальную (да простят меня все невестки мира, а для любой матери даже самая распрекрасная ликом святым не станет). Глуповата Анечка, да за сыном, как за богом ходит, чуть ли не в рот заглядывает. Деток родила, быт весь на себя взяла, хоть и помощниц сын нанял...

И все ж несправедлива я! Будь у нее волчья хватка – тяжело Сережке бы пришлось. А так – в дела не лезет, ибо не смыслит ничего, зато жена и мать из нее отличные. Да и гонора никакого нет, к старшим уважение имеет, а сие редкость в наш современный век. Правду говорят: пока не потеряем, не ценим.

Даст бог, все у них и дальше хорошо будет. А мне, считай, шанс второй выпал. Вот так и буду думать...

– Ваша светлость! Очнулись! – послышался старческий, чуть скрипучий голос, от которого мигом разболелась голова.

Впрочем, вряд ли женщина была виновата. Тело все еще отходило от прелестей родов и последующей горячки. Чудо, что вообще жива... Да уж, чудо... Уже известно, какого рода.

Я сфокусировала взгляд на склонившейся служанке. Действительно старенькая. Не пожилая, а именно старенькая. С трудом выцепила ее имя из вороха чужой памяти.

Пока я соображала, меня успели приподнять и дали напиток. Стало чуть легче, хотя все тело ломило, тянуло живот и невыносимо болела грудь.

– Райлиса, – просипела, мысленно чертыхнувшись от своей слабости. – Где мой сын?

Я точно помню, что это был мальчик. И живой. Мой. Теперь мой.

– В детской, Ваша светлость. С кормилицами и няньками...

И, скорее всего, с рыжеволосой тварью, той самой, что этим эпитетом награждала меня. Ничего-ничего, дайте время – и разберусь со всем, и ребенка в обиду не дам.

Я вздохнула и попробовала подняться. Никогда не таскали монолитные блоки? А мне доводилось. Пусть не одна, и все же... Ощущения были примерно такими же. После Сережки я себя квашней избитой не ощущала, хоть и родила его в тридцать. А тут словно и не молодое тело.

– Ваша светлость, куда же Вы? Вам нельзя, лежите! – всполошилась Райлиса и попыталась уложить меня обратно.

Но я, пусть и не сразу, отбилась и смогла все же сесть. Не встать. Увы, этого пока мне явно было не дано. Я переводила дух, а служанка утирала мое лицо пахнущей травами тряпкой. Пот с меня лился такой, словно я в «Зарницу» играла и почти завладела вражеским флагом.

– Належалась уже, – хрипло ответила ей, пытаясь понять, отчего настолько слаба.

От кровопотери? Развивается родовая горячка? Имеется заражение крови? Не дай бог, конечно. Вряд ли тут существуют антибиотики в том виде, в каком я к ним привыкла, иначе бы девочка, в теле которой я оказалась, о таком знала. Конечно, способ получения пенициллина мне известен, но...

– Выпейте, Ваша светлость, – по лицу женщины текли слезы, что не помешало ей подать мне кружку с настоем.

Пахло корой дуба и еще какими-то травками, но из-за яркого вкуса коры все остальное притуплялось. Выпила смело. Во-первых, хотелось пить. Во-вторых, хотелось жить.

А кора дуба при правильном сборе да при верном применении обладала множеством целебных свойств. И кровеостанавливающее, и противовоспалительное, и дезинфицирующее, и укрепляющее... И это я еще не все назвала.

– Вот и славно, вот и хорошо, – приговаривала старушка, пока я допивала настой.

Для начала не мешало бы помыться. Необязательно ванна, хватило бы и душа. Но я чувствовала, что в итоге придется обойтись мокрыми полотенцами. И то хлеб.

Разбаловали меня цивилизация и комфорт двадцать первого века. А ведь по детству и барак раем казался, главное, чтоб крыша над головой была!

Конечно, мне стоило отлежаться. Однако мысль о том, что ребенок находится далеко и под присмотром непонятно кого, не то чтобы наделяла огромными силами, скорее, являлась решающим фактором.

Мне нельзя лежать. Нельзя болеть. Кто его знает, на что решится рыжая гадина, получив наконец-то право на рождение собственных детей. Сразу прибить, точно не прибьет, ей еще залететь нужно. Но в остальном... Сомневаюсь, что ей требуется здоровый наследник герцога. Скорее такой, которым можно будет управлять...

Нет уж... Вставай, Настька, налегалась.

– Помоги мне, – приказала служанке. – Я хочу увидеть сына.

В идеале его покормить не мешало бы. Грудь распирало так, что впору было бога благодарить за то, что молоко вообще не пропало.

– Герцогинюшка, одумайтесь! – запричитала моя надсмотрщица. – Шесть вех¹ пролежали! Мы уж не чаяли, что очнетесь!

Пока я соображала, о каких вехах речь, служанка времени даром не теряла, кинулась к дверям, будто девочка юная, раз – и поминай, как звали.

Мда...

Заодно и ответ получила, отчего тело настолько ослабло. Виданное ли дело шесть дней бревном в постели лежать? Сомневаюсь, что меня шевелить пытались, да руки-ноги разминали.

Мысленно досчитала до десяти, заставляя себя успокоиться. Вернется служанка, никуда не денется. И, полагаю, не одна, а с подмогой. А все почему? Потому что люди простые Анастейзу любили. По-настоящему любили и оберегали, как могли.

И пусть прав у тех же слуг было с гулькин нос, но герцогинюшку, как многие ее тут называли, боготворили. Верили люди в ее кровь, в предков, наделенных особым, волшебным даром.

Я в магию никогда не верила. В бога-то верить запрещалось! А все одно – и крестились, и в закутках тайно лампадки зажигали, и молились, неистово молились о лучшей доле да о здравии родных и любимых.

А тут все к одному. Леди Анастейза Моррисон приехала в герцогство в пору сильной засухи, что длилась несколько лет. И то ли так просто совпало, то ли девушка действительно обладала каким-то даром (по сути, латентным), но как только юная невеста оказалась на землях, подвластных герцогу, зарядил дождь. Ливень не прекращался все пять вех, что гулялась свадьба.

И с той поры все пять лет, что она была герцогиней Дарремской, о засухе никто слышать не слыхивал. Снова процветала земля, урожай обильный собирался...

Я бы сказала – совпадение. Любовница герцога Сарвенда была уверена, что это происки Шенмали (местный аналог дьявола, правда, женского пола), но в распространении этих слухов не преуспела.

¹ веха – день

Люди же веровали, что это милость Священной Пары – бога и богини, что сотворили этот мир и даровали их предкам особые дары, которые потомки утратили, но могут обрести вновь. А вот появление самой Сарвенды считали плохим предзнаменованием и засуху приписывали именно ей, и за глаза иначе как мальдой² не называли.

Мигрень вернулась с новой силой. То ли моя душа с трудом приживалась в теле, то ли мозгу сложно было справляться с двойной нагрузкой. Поди-ка совмести в себе память о двух жизнях. Земной, насыщенной событиями, и Рамиранской.

И пусть моя земная жизнь была втрое дольше, а все ж простым жизненный путь Стейзи назвать не получалось.

Осиротела в семь ходов³, по-нашему лет. Поскиталась по родственникам, пока не оказалась у дальнего, весьма жадного троюродного дядюшки, который и сговорился о свадьбе. А попросту – продал племянницу и забыл о ее существовании. Сколько бы девочка ему ни писала, ответа не получила ни разу. Его не заботил вопрос, а с чего это герцогу Дарремскому, обладателю обширных плодородных земель, не последнему человеку в королевстве, пришлось в голову обратить свой взор на бесприданницу, пусть и леди.

Толку-то от древнего обнищавшего рода? Да, ее родословная позволила выйти в свет и быть представленной ко двору, где она надеялась найти подходящую партию. На этом все. Особого успеха девочка, естественно, не имела. И не потому, что не обладала красотой, внешностью Священная Пара щедро ее наградила. А толку, если за душой ни гроша?

Платье старое, пусть и чистое, нештопаное, из драгоценностей лишь кулон на хилой цепочке – единственная память о матери. Встречают-то по одежке... Да и без приданого даже вдовцы особого расположения не выказывали.

На самом деле Стейзи не была глупышкой и особых иллюзий на свой счет не питала. А потому на сладкие речи не велась, кусты роз в парках исследовать с молодчиками не собиралась, и посему уехала в дом дядюшки не солоно хлебавши.

Замуж девочку никто так и не позвал, а тешить собой удаль молодецкую Стейзи не позволила. Только спустя два вехимана⁴ объявился герцог, страстно желавший получить ее руку и чрево.

Анастейзу можно было назвать сильным человеком. Первые три с половиной года из пяти, что она находилась тут, юная герцогиня еще пыталась бороться с властной натурой Сарвенды. Но пять выкидышей, два мертворожденных ребенка и постоянное, считай, осадное положение в своем же доме ее все-таки сломали.

Последняя беременность далась Анастейзе тяжело. Постоянные насмешки, напоминания о том, что ее кровь оказалась бракованной, раз она разродиться здоровым дитя не может, отразились на ее состоянии не лучшим образом. В конце концов, любой бы сломался, если бы на него все время оказывалось давление, и не только психически, но и физически.

Близость с мужем иначе как насилием назвать было нельзя. Ни разу он ее не приласкал, брал грубо, желая поскорее отделаться и зачать наследника. Даже в брачную ночь не пожалел.

К тому же близкими людьми Стейзи тут так и не обзавелась. Поплакаться она могла разве святому писанию, ну еще помолиться Священной Паре. И пусть она была доброй со слугами, и те платили ей любовью, да кто ж водит дружбу с чернью? Тем более Сарвенда строго следила за тем, чтобы в замке у герцогини не то что заступников и защитников не нашлось, а даже маломальской привязанности не появилось. Служанки, приставленные к герцогине, и

² мальда – аналог демоницы (суккубы). Развратная, жадная женщина, которая поклоняется Шинмали и приносит беды тем, с кем находится рядом.

³ ход – год на Рамиране. Связано с местным естественным спутником Рамирана, который меняет окраску от светло-песочного до темно-коричневого цвета за время, равное одному году.

⁴ вехиман – месяц, вехим – неделя.

те менялись каждые три вехимана. И повлиять на это Анастейза не могла. Супруг лишил ее этого права.

Чем больше я думала об этом герцоге, тем сильнее мне хотелось его придушить. Хотя, видит бог, для него это было бы слишком мягким наказанием. То, что он устроил девочке, иначе как пытками и мучительной смертью назвать было нельзя.

И пусть ее не лишали еды, спала она на мягкой постели, покои были светлыми и просторными, но отношение... Неоднократно мужем бита была по наущничеству стервы рыжей. По мне, так самый настоящий концлагерь.

Я вздохнула и попыталась откинуть одеяло. Не время разлеживаться и хандрить. Дел столько, что невольно Стейзи позавидовать можно. Она уже отмучилась.

Впрочем, нет, пусть эти твари завидуют мертвым, потому что будет им всем возмездие. В моем лице. Еще не знаю как, но от расплаты никто не уйдет.

Ровно на этой мысли в дверь постучались. Дождавшись моего «войдите», в нее проворно протиснулись служанки. Одна несла поднос, вторая таз... И обе были Стейзи незнакомы. Однако следующей вошла Райлиса, и я выдохнула.

Как я и предполагала, вместо ванны и душа ждали меня полотенца, которые споро мочили в тазу, а затем растирали ими мое тело. Я не сопротивлялась. Наоборот, была благодарна тому, что есть помощники. Самостоятельно справиться даже с таким простым делом я была не в состоянии. Точнее, мое новое тело, которое ощущалось чем-то инородным и никак не желало подчиняться. Его то в жар бросало, то оно начинало дрожать. Выглядело все это так, будто я в запое месяцев пять провела, а теперь не в состоянии вернуть себе контроль над координацией.

К ночной вазе отнеслась спокойно. Во-первых, знала, что это крайний случай, так как передвигаться пока мне вряд ли удастся. Во-вторых, в замке имелась канализационная система, хоть и не такая, к какой я привыкла... И туалеты-балкончики имелись. Как и купальни.

В куда больший ужас меня привело совсем не это, а внешний вид тела. Стейзи была слишком худой. Ножки и ручки – натуральные спички, кожа прозрачная, местами синеватая. Животик хоть и был, но маленький. Мне не нужно было глядеться в зеркало, чтобы знать, что и на лице кости кожей обтянуты. И это при том, что она, вообще-то, беременной была, и голодом ее не морили.

Вопрос: это ребенок так повлиял, вытянув все соки? Или имелось что-то еще? И как выглядит при этом сам младенец? О-хо-хо...

Мигрень навалилась с новой силой. Любая попытка обратиться к чужой памяти отзывалась такой болью, что слезы из глаз лились.

Вот же!

– Потерпите, герцогинюшка, – прошептала Райлиса, попытавшись перетянуть мне грудь.

Этого еще не хватало! Уж я-то знала, что «грудная горячка» может привести к смерти. Молоко стоило сцеживать, а грудь помассировать... Но это явно, когда все уйдут, вряд ли им слово массаж знакомо. Вообще, хорошо бы сына покормить, но сама я сейчас до детской не дойду, а мне его никто не принесет.

– Но как же... – начала служанка, но я так на нее зыркнула, что она замолчала.

Я же тихо, чтоб другие не услышали, прошептала:

– Сама кормить стану, так принято в моем роду.

И отчего это на лице Райлисы улыбка расцвела? И взгляд потеплел...

Она снова взялась за лоскут, но на этот раз не натягивала его, просто обмотала грудь. Видимо, чтоб служанки, если кому и докладывают, ничего необычного не заметили. И споро натянула на меня чистую сорочку.

– Покушаете и ляжете... – пробормотала она себе под нос.

Значит, на подносе, что принесла Райлиса, еда. Это замечательно, если бы не тошнота, вызванная мигренью. Но для того, чтобы иметь силы, питаться жизненно необходимо. Да и для сохранения молока придется постараться.

Пока я пыталась побороть приступ, меня успели не только обтереть теплыми полотенцами, переодеть, но и усадить, подложив под спину подушки.

Из еды мне предлагался бульон, щедро посыпанный зеленью, сухари, которые Райлиса сыпанула в тарелку, и кружка с травяным настоем. Негусто, но если учитывать шестидневное беспамятство, то выбор правильный, что-то тяжелее организм просто не примет. Слуги явно не идиоты...

А вот герцог – бесчувственная скотина, раз даже лекаря не прислал и не озаботился состоянием собственной жены.

То, что ему явно выгодна смерть Стейзи, сомневаться не приходилось. Но он бы хоть элементарные приличия соблюдал! Неужели не знает, что слуги все видят, все понимают, а слухи могут такие разнести, что мало не покажется. Особенно тому, кто впал в королевскую немилость.

Последнее – мой личный вывод, учитывая, что ранее герцог практически безвылазно находился в столице, а последние пять с половиной лет выезжал максимум раз в год и на очень короткий срок. Казалось бы, чего там и дальше не сиделось? Управляющих у него вагон и маленькая тележка. И любовницу свою с собой из столицы притащил, она не местная. Значит, что-то случилось такое, что герцог был обязан жениться, заделать наследника, а заодно убратся с королевских глаз.

Была причина! Совершенно точно была! Только Стейзи она не известна, девочка в таком ракурсе вовсе не задумывалась.

И может, законный наследник ситуацию бы исправил. Но одно дело, когда жена родами померла. А когда все уверены, что герцог довел ее до смерти? Если местному королю герцог поперек горла встал, он в этот слушок зубами вцепится... А ребенку, будущему герцогу, и угодного опекуна назначить можно...

Подхватив таз, грязные полотенца и даже поднос с уже пустыми тарелками, молодые служанки удалилась, а Райлиса закружилась надо мной, заставляя лечь да укрывая теплым одеялом.

Не сказать, что я мерзла. Прохладно было, все ж не в квартире с центральным отоплением... Но и камина не было, и печки я никакой не видела. Интересно, как отапливали помещения?

– Поспите, герцогинюшка, набирайтесь сил... А сына... – шепот служанки стал совсем неразличимым, – я в ночи принесу. Одна из кормилиц дочь моя... Она поможет.

Я уставилась на служанку, как баран на новые ворота. С чего бы так напрягаться и подставляться?! Учитывая, что раньше герцогине никто не спешил на помощь и не совершал поступков, за которые потом непременно был бы наказан.

– Наш будущий герцог должен расти здоровым, – ответила мне Райлиса, когда я прямо задала вопрос. – Мамкино молоко – оно завсегда лучше...

Мамкино...

– Спите, герцогинюшка, – поправила служанка одеяло.

И я не стала бороться с дремотой. Лучше она, чем снова мигрень.

Мне ничего не снилось. Спокойный глубокий сон был нарушен детским плачем. Громким, требовательным, недовольным...

Я подскочила машинально. Надюшка, младшенькая дочь Сережки, всегда спала беспокойно и будила своим криком весь дом. Иногда я забирала ее к себе, давая Ане выспаться.

Дура старая! Какая Наденька? Когда той давно уже двенадцать годков?

– Ваша светлость, он голодный... – мне под нос сунули орущего младенца.

Интересное кино... А раздеваться с ребенком на руках я как должна? Но эта мысль пришла позже, потому что как только коснулась мальчика, во мне что-то встрепенулось, и затопило такой волной тепла и узнавания, что я застыла.

Это точно принадлежало не мне. Нет, я не из тех, кому чхать на детей. Но все же для любви к этому младенцу было рановато. Для привязанности – тоже. Должно пройти время. Ладно еще, если бы меня перенесло в это тело во время беременности, когда весь срок впереди. Думаю, тогда бы я успела не только привыкнуть к телу, но и полюбить дитя в чреве.

Но я замороженно глядела на притихшего мальчугана и не могла отвести глаз. Вроде только плакал, требовал грудь, а сейчас молчит, шурит глазки, рот беззвучно открывает. Словно чувствует и понимает, что его на руки мама взяла.

Я готова была поклясться, что видела тянущуюся от меня к нему нить. Такого густого, насыщенного зеленого цвета.

– Ваша светлость, Его светлость нужно покормить, – напомнила о себе кормилица, и мать тут же на нее зашикала.

Но момент был упущен, и нить куда-то подевалась.

– Помогите мне, – приказала я.

Пора было кормить чадушко.

Глава вторая

Расставаться с младенцем мне не хотелось совершенно. Несмотря на настойчивые просьбы кормилицы и служанки, все внутри меня в узел скручивалось от мысли, что его заберут и дай бог вернут лишь в следующей ночи...

Нет, я все понимала. И то, что подставляю их. И что пока не готова к разборкам с Его светлостью и мадам-шлюпкой. Может, кишка и не тонка, но не боец я сейчас, далеко не боец.

Какие мне разборки, если всего полчаса ребенка на руках подержала, а те трясутся так, словно я вагоны разгружала?

За один день ситуацию все равно не изменишь. Никак. Тут можно только проявить чудеса дипломатии, если муженек на огонек заскочит.

Я вздохнула, провела пальцем по личику спящего сына и нехотя передала его кормилице.

Честно говоря, я была несколько удивлена тому, что карапуз выглядел абсолютно здоровым. На фоне самой Стейзи, которую беременность превратила даже не в тень себя, а так, в печальное воспоминание.

Богатырь настоящий. Пухленькие щеки, большие глазки (в маму!). Пока темно-синего цвета, но я не обольщалась. Цвет глаз еще поменяется. Даже странно, что они синие, когда у герцога темно-карие. Обычно именно они доминантные. А вот волосы точно отцовские – темные, густые. Если повезет, и цвет глаз не сменится, контраст будет очаровательным: брюнет с синими очами.

Впрочем, пока сложно было сказать, в чью породу пойдет ребенок. Слишком еще маленький. Надюшка в младенчестве на Аню похожа была, а подросла – вылитый Сережка, только более миловидная копия.

– Сколько вас приставлено к Его светлости? – шепотом спросила я, коршуном наблюдая за тем, как женщина укладывает ребенка в плетеную корзину, дно которой было устлано мягким одеялом.

– Пять, герцогинюшка, – также шепотом ответила мне дочь Райлисы. – Две кормилицы, три няньки.

Это много или мало? Хороший вопрос.

– И лекарь трижды на дню приходит...

Я сделала стойку. Лекарь? Точно, в замке был такой, личный лекарь герцога. Старый сморчок, с которым Стейзи общего языка не нашла.

– А ко мне он прийти не желает? – прошипела я гадюкой.

Нашла, кому шипеть...

– Рутара, отнеси Его светлость, – приказала Райлиса, – светать начинает.

– Ваша светлость...

– Иди, – процедила я.

Не хотелось расставаться, совершенно не хотелось, а выбора все равно не было.

– Он спросал вечер о том, как Вы, герцогинюшка, – сообщила служанка, – наказал звать, если Вам хуже станет.

Нормально вообще? То есть герцогиня очнулась после тяжелых родов, но осматривать ее он не собирается. Иными словами, оставляет без медицинской помощи, прекрасно понимая, что без лечения выздоровление не наступит.

Странно... Но только если...

– Герцогу о том, что я в себя пришла, докладывали?

– Нет, – выдохнула женщина и бухнулась на колени. – Не серчайте, герцогинюшка, да токмо Вам сил бы набраться...

И как это понимать? Иначе говоря, служанок она ко мне позвала и рассчитывала, что те смолчат? Еду, опять же, для меня брала. А лекарю и мужу ни слова?

Однако вопрос в ином: какого черта Райлиса решает за меня?

Понятно, что я в заведомо проигрышном положении. Но и у меня есть рычаг давления на герцога, а также пусть мизерный, но все же шанс на то, что муженек сделает по-моему и свою рыжую швабру приструнит. Хоть на время. А уж мне его хватит, чтобы тело в порядок привести.

Что за рычаг? Древняя кровь, из-за которой Стейзи вообще выбрали на роль жены. Сирот-то, за которых вступиться некому, в этом мире пруд пруди, а вот чтобы в них кровь древняя пела – по пальцам пересчитать. Герцогу желалось получить не просто наследника. Эта тварь хотела, чтобы в ребенке проснулся дар.

Ситуация со служанкой нравилась мне все меньше. То есть для всех я была еще полудохлая, дышащая на ладан, но при этом мне принесли сына для кормления. Тут явно имелось двойное дно. Помощников у Стейзи не было и быть не могло, и я пока в толк взять не могла, для кого или для чего старалась эта старуха? Только ли было дело в том, что ребенку материнское молоко полезно? Нет уж, доверяться Райлисе пока точно не стоило.

А так, случись что – я о самоуправстве ничего не знала. Наоборот, настояла на извещении о своем состоянии.

– Райлиса, давно ли ты госпожой стала? – едко спросила я. – Решаешь за меня, приказы отдаешь!

– Не гневайтесь, Ваша светлость... – продолжая валяться на полу, провыла она.

– Лекаря позвать, герцогу о моем исцелении сообщить.

Нам в любом случае с ним контактировать, и чем раньше мы встретимся, тем лучше. Не в том смысле, что мне будет приятно смотреть на этого человека, а в том, что хоть что-то можно будет прояснить.

Несмотря на то, что герцог человек с душком, с порога набрасываться не станет. Авось у меня хватит красноречия, чтобы уговорить его оставить ребенка под моим присмотром. Все же дети, пока маленькие, кушают по часам.

– Как прикажете, Ваша светлость, – прошептала Райлиса, но подниматься не спешила.

– Ступай.

Думай, Настя, думай. Какая выгода у этой женщины? Рисковали обе, и она, и дочь, но зачем? От молчания никому из нас лучше не станет. Рано или поздно все вскроется, и тогда никакие уговоры не спасут. Вряд ли влияния Райлисы хватит на всех служанок. Не хватит. Совершенно точно.

И вот еще вопрос: что за охрана в этом замке, раз простая кормилица буквально под носом у остальных нянек ворует ребенка? Пусть она принесла его мне, но где гарантия, что завтра не отправит младенца прочь из замка?

От этой мысли меня потрянуло. И я хороша!

Вдох-выдох... Все будет хорошо.

Черт, а все равно: приди герцог сюда и увидь ребенка – было бы хуже. Если б я сама в детскую вломилась – другой разговор, но я встать без помощи не могу!

Ненавижу это состояние беспомощности!

Я откинулась на подушки. Поспать. Лучшее, что я сейчас могу сделать, это поспать. Вряд ли герцог вломится ко мне ранним утром, да и лекарь точно спешить не станет, так что спать. Набираться сил.

Так оно и вышло. К моменту прихода лекаря во главе с герцогом я успела не только выпастись, но и умыться, и позавтракать. И все это время приглядывалась к старухе, пытаюсь понять ее мотивы. Все же ее поступки не давали мне покоя. С чего бы такие изменения?

Райлиса вела себя смирно, лишней раз рот не открывала. Отчиталась о том, что доложила камердинеру радостные вести о герцогине и отдала распоряжение на кухню, а потом молча приступила к своим обязанностям.

Правда, еду принесла тяжелую, и травяного отвара уже не было. Да я не гордая. Потребовала заменить и добилась того, чтобы мою волю исполнили.

Ишь ты, дрянь какая...

Конечно, мне бы хотелось иметь помощников. Однако в нынешнем положении я не могла ничего им предложить. У Стейзи за душой как не было ни гроша, так и не появилось. Да, ей шили платья, иногда привозили какие-то мелочи из столицы, предоставляли материалы для рукоделия, но на этом все. Своих денег она не имела. В редкие выезды из замка в храм Священной Пары герцог давал ей лишь мелочь для пожертвований. Всегда определенную сумму, которую она не имела права тратить на свое усмотрение. В этом плане Стейзи была очень сильно ограничена.

И слуги это понимали. Одно дело – любить герцогинюшку за эфемерное плодородие земли, и совсем другое – реально ей помогать, когда существенных предпочтений не ожидается. Никто и не рвался. Служанки при герцогине постоянно менялись. По сути, прислуживать Стейзи было невыгодно. При себе оставить не могла, мелочь подкинуть тоже.

Так с чего бы? Из-за рождения здорового наследника? Ой ли...

И у меня пока был лишь один вариант объяснения происходящего – меня все списали со счетов, даже прислуга. А потому решили: сколько получится – столько и выжать из болезни в пользу будущего герцога. Может, ему и дар передастся да молоком закрепится? Но выгода... Должна же была существовать личная выгода для этой парочки, чтобы так рисковать и нарываться!

Я не спешила заговаривать, смотря на вошедших мужчин. Было приятно, что герцог оказался высоким, и, судя по выправке, тренировками не пренебрегал. Не сказать, что красавец, но что-то в его внешности было, что притягивало взгляд. Сыну все же с генофондом повезло. Я бы сказала – очень даже, учитывая, что и мать не дурнушка, и отец выглядел вполне достойно. Жаль только, что последний – урод моральный.

Лекарь же был худым и скрюченным чуть ли не в три погибели. Как китайский болванчик. Сделал шаг – поклонился.

– Осмотри, – приказал герцог, кривя свои тонкие губы.

М-да... Диагноз ясен, лечению не поддается.

– И Вам доброго дня, Ваша светлость, – прямо глядя в глаза муженька, произнесла я.

Судя по ответному взгляду, с ним мебель заговорила, не иначе.

Вообще, мне не очень нравилось то, что осматривать меня собирались при свидетелях. Все бы ничего, но манипуляции были довольно интимные, а этот лекарь-сморчок напмаженный и надушенный особой любви ко мне явно не питал. И вообще, он руки точно мыл? Протянул свои сморщенные пальцы-корешки... Еще и борода эта реденькая, козлиная, фу!

Вдохнула-выдохнула. Нужно потерпеть. Пусть слушает пульс... Пусть...

Герцог не посчитал нужным мне ответить, смотрел холодно, недовольно. Ну как же, не умерла. Горе-то какое!

Я прищурилась и закусила с внутренней стороны щеку. Молчи, Настька, молчи и слушайся. Пока.

Дедок кивнул Райлисе, та откинула одеяло до колен (то есть голые ноги табу, а на все остальное смотреть можно?) и отошла, а лекарь похотливым взглядом обвел мою фигуру.

Спрашивается, что его так привлекло? Кожа, натянутая на кости? Разве только грудь из-за молока пышной была, на этом все. Но как же неприятно... Этот липкий мерзкий взгляд...

И вопросы, за которые хотелось огреть докторишку ночной вазой.

Мысленно я считала до десяти, вслух же терпеливо отвечала, что за последний вежим с постели не вставала (я, по его мнению, лунатизмом страдаю, чтоб в горячке по покоям шастать?), что есть мне хочется (и чего он кривится?), что молоко не пропало, и если будет на то воля Священной Пары, не пропадет.

Трубку слуховую достал. Точно грудь пощупать вздумал! Но я ошиблась. Трубку-то он к груди приставил, ухо приложил, а вот другой рукой...

– А щипать обязательно? Это необходимый лекарский прием? – спросила у обнаглевшего дедка, который ущипнул меня за ягодицу, хорошо хоть через сорочку. – Ваша светлость, так и должно? Вас так же осматривают?

Если герцог не собственник, тогда я прима-балерина.

И без разницы, что жена постылая, нелюбимая. Я – его собственность, и тот факт, что его собственность лапают всякие старые козлы, должен его напрягать. Не в том смысле, что из-за ревности. Из жадности. Собака на сене.

И не прогадала.

– Кратель! – рявкнул Его светлость.

– Простите, Ваша милость, я проверял рефлексы и чувствительность. Герцогиня обмолвилась, что встать не может.

Ах, ты ж, старая скотина, выкрутился!

– Чувствительность в порядке, Ее светлость сможет ходить...

Да ты что?! Прямо Колумб, открывший Америку!

Но вслух, конечно, ничего подобного не сказала.

– Прекрасная новость. Значит, я смогу присутствовать при именовании наследника герцогства в Храме Священной Пары.

– Э... – интеллектуально изрек лекарь и даже оглянулся на мужа.

– В этом нет необходимости, в Вашем положении...

– Не стоит беспокойства, к концу вежимана я буду не только ходить, но и бегать, – горячо заверила супруга и обратилась к старикану: – Верно же?

Совершенно паршивая традиция. Именованье ребенка лишь в конце первого месяца его жизни. А все время до этого дите так и остается безымянным.

– Д-да... Если неукоснительно будете следовать моим предписаниям, то непременно встанете на ноги и сможете присутствовать при именовании.

– Конечно, буду. Хотелось бы услышать Ваши рекомендации.

– Необходимо перетянуть грудь, – прямо заявило местное медицинское светило.

Тебя бы перетянуть! Да поперек седалища хлыстом!

– Умеренно питаться, даже лучше поголодать. Так поступление молока уменьшится, – добавил старик.

– Чудесно, – хрипло выдохнула я. – А Его светлость кормить Вы станете?

– С этим прекрасно справляются, – скривился муженек. – Новая кормилица и вовсе нареканий не имеет.

Новая. Нареканий. Не имеет.

То есть за эту неделю нарекания были? И ребенок до встречи со мной существовал впроголодь? Так вот где собака зарыта!

Я бросила взгляд на Райлису. Та смотрела в пол, втянув голову в плечи. Вот она – их выгода!

– Вы о сегодняшней ночи? – невинно поинтересовалась я. – Приятно знать, что Вы так высоко оценили мою заботу о сыне. Ведь именно я кормила его. Кормилица принесла сына мне. Разве не по Вашему приказу?

Жалеть старуху и ее дочку я не собиралась. Нет уж, пусть получают на орехи и радуются, что я не в состоянии добавить. А мне все равно прислугу сменяют. Так может, удастся выстроить нормальные отношения с новенькими.

– Помилуйте! – заголосила служанка, падая на пол. – Да токмо Его светлость есть отказывался! Мамкино молоко – оно ж всяко лучше...

Хотела бы я знать, что чувствовал в этот момент муж. По его лицу что-либо прочесть не представлялось возможным. Такому покерфейсу или учатся с детства, или рождаются с ним.

Вот только спокойствие герцога явно было напускным. Мне хватило взгляда, чтобы это понять. Пусть на секунду, но он полыхнул такой яростью, что прямо тушите свечи.

– Стража! – вроде и не крикнул, но сказал достаточно громко.

Иначе с чего бы в мою спальню вломились трое молодцев? Я нахмурилась. И было с чего. Вряд ли эти красавцы мимо проходили. И тут два варианта: либо они приперлись с герцогом и остались в гостиной его дожидаться, а потом уйдут, либо их приставили ко мне сегодня, так сказать, охранять покой домочадцев от моего присутствия. Любой вариант имел право на жизнь.

Оставалось лишь надеяться, что верен первый.

– Двадцать плетей, – четко произнес муж.

У меня по спине мурашки пробежали. Нет, я не жалела о том, что не промолчала. И двух вертихвосток мне также не было жаль. Они знали, на что идут. Понимали, что за подобное вмешательство и ложь последует наказание. Хотели выслужиться? Ну я их поздравляю, выслужились... аж до кровавой спины. Выжили бы... Но если учесть, что ребенка ночью притащили, то ведь могли и вовсе из замка унести...

В общем, двадцать плетей – маловато. Все ж таки запасного наследника у герцогства нет.

Райлиса заверещала, умоляя помиловать, но муж был непреклонен. Только скривился уголком губ и отдал еще один приказ.

– Двадцать плетей нянькам и кормилицам, и вышвырнуть их из замка, – но на этом репрессии не кончились. – Стражу у детской, что дежурила ночью – повесить.

Я молчала, закусив изнутри щеку. Жестоко? Очень. Но для сына все могло обернуться куда хуже, следовательно, охрана, как ни крути, виновата. А нефиг спать, когда ты на посту! Или не спать, но выпускать слуг с ребенком без личного позволения герцога, на худой конец, герцогини.

Я сжимала кулаки и изо всех сил «держала» лицо. Молчать, Настька, молчать! И думать, какие аргументы ты приведешь, чтобы остаться подле сына, а заодно сохранить свою жизнь. Герцог на своих землях царь и бог. И вроде как аристократку повесить не посмеет... Впрочем, найдет оправдание перед королем, будь на то великое желание. К примеру, оступилась на лестнице и свернула шею. Бывает? Чего уж там, еще как! Особенно, когда очень надо. А я ведь слаба здоровьем, так что обоснования непременно найдутся.

Вдох-выдох. Справлюсь!

– Еще рекомендации? – ледяным тоном потребовал герцог, когда из спальни выволокли орущую служанку.

– Д-да... – утирая платком пот, выступивший на лбу, выдохнул лекарь. – Травяные настои, притирки не помешают...

Притирки... Оправлюсь – и как притру! Мало не покажется!

Он бубнил что-то еще, но я уже слушала скорее фоном. Память у меня хорошая, раз услышу – не забуду, необязательно при этом полностью концентрироваться на источнике. Из всего перечня меня устраивали только травяные настои. И то – новых слуг я непременно расспрошу о составе. Ибо подмешать можно все, что угодно. Лишь бы травы не слишком сильно отличались от земных. Хотя бы внешне. А там, если название покажется непонятным, расспрошу, как выглядит.

– Вон, – сказано было сухо, но возымело эффект разорвавшейся бомбы.

Уж не знаю, отчего, однако мне стало не только не по себе. Интуиция просто завопила: опасность!

– Прикройся, – потребовал муженек, когда лекаря буквально ветром сдуло.

Какие мы нежные... Но спорить не стала. Это я задумалась и напрочь забыла, что лежу, считай, полуголая у всех на обозрении.

– После именованья ты отправишься в монастырь Святой Аглараны, – сказал как отрезал.

В первую секунду не шибко поняла, о чем речь, но память Стейзи не подкачала, и я вздрогнула. Данный монастырь находился на севере королевства, выдолбили его прямо в скалах. Надо ли было говорить, что жизнь там не сахар?

А уж таким, как Стейзи, изнеженным отсутствием физического труда аристократкам, выросшим совсем в ином климате, делать там вовсе нечего!

Скотина! Натуральнейшая скотина. Отправляет на смерть. Причем не факт, что я до монастыря доберусь, могу и в дороге ноги протянуть.

Спокойствие, только спокойствие.

– Ты исполнишь свой долг. Скажем, что ты дала обет Священной Паре: если родится здоровый наследник, то уйдешь в монастырь после именованья.

Все продумал, тварь, по ошибке рожденная человеком.

– До конца вехимана, так уж быть, я не стану запрещать тебе кормить сына.

Какая щедрость!

Я кусала губы, чтобы не выплеснуть все свое негодование. Не шевелилась, заставляя себя успокоиться. Битва была еще не проиграна.

– Его будут приносить для кормления, – уже не скрывая довольства, подытожил гад.

И явно собирался отчалить. Но кто б ему дал?

– Ход, – ровным тоном произнесла я.

Честное слово, я могла собой гордиться. Голос не дрогнул, не сорвался на высокие ноты, звучал достаточно отстраненно.

– Матушка всегда сокрушалась, что не смогла кормить меня ход, как положено в нашем роду. Никто никогда не отдавал дитя кормилицам, так завещали нам предки.

Ничего подобного мать Стейзи, естественно, не говорила. Когда бы? И к чему семилетней-то соплюшке?

Но откуда это знать герцогу? Правильно, неоткуда. А иного я ему не скажу. Будь моя воля, вообще бы с ним не разговаривала и воздухом одним не дышала. Какое там! Я с ним на одном поле гадить бы не села! Разве в навозе бы с удовольствием утопила. Такому, как он – только такая смерть.

Это я знаю, что по-хорошему ребенка следует кормить материнским молоком до полутора-двух лет, так как иммунная система новорожденного еще не способна в достаточном количестве самостоятельно вырабатывать антитела. Сначала он их получал через плаценту, затем должен получать через грудное молоко матери.

Конечно, на Земле существует множество различных детских смесей для питания, в которые входят нужные вещества, компенсирующие отсутствие грудного вскармливания. Но здесь-то такому откуда взяться? Чем там эти кормилицы питаются? А если пиво хлещут, чтоб дите подольше спало?

Поэтому, если герцог все-таки хочет иметь здорового наследника, мне придется из шкуры вывернуться и обратно завернуться, чтобы доказать свою полезность в этом вопросе. А еще в том, что это просто необходимое условие для активации спящего дара предков.

– Что? – муженек обернулся и посмотрел на меня так, что захотелось не ответить, а огреть его чем-нибудь.

Но я терпеливо повторила уже сказанное. Спокойно повторила. Вроде как ничего не требую и не прося. Просто ставя в известность.

Начни я давить, упираться на то, что я вся такая исключительная и незаменимая – вряд ли смогла бы предсказать реакцию мужа.

А так...

– Ты готова кормить ребенка ход? – вкрадчиво спросил он. – Дитя чудовища? Разве не ты утверждала, что умереть предпочтительней, чем продолжать жить во грехе среди тварей, что по недоразумению приняли обличья людей?

Я не дрогнула, хотя память щедро поделилась последним скандалом с герцогом, когда Стейзи от отчаяния кричала разные не самые умные и приятные на слух слова. Девочка сорвалась, будучи постоянно науськиваемой рыжеволосой дрянью. Я была с ней солидарна по части определения эпитетов для существа, что стояло передо мной. Чудовище как оно есть.

А стерва его рыжеволосая – тварь.

– Я и сейчас считаю, что Вы – чудовище, – глядя прямо в глаза мужу, произнесла с достоинством. – Но Его светлость – мой сын. Плоть от плоти моей, кровь от крови моей, мое продолжение.

Скажи я как-то иначе, то вряд ли бы мне поверили. Начни я уверять, что была не в себе и плохо о муже на самом деле не думаю, то герцог остался бы при своем мнении и слушать дальше точно не стал.

А так – хмыкнул и уставился, будто перед ним разыгрывалось невероятное представление.

– Вам прекрасно известно, что я – последний представитель главной ветви рода Моррисон. И свой долг по отношению к сыну я выполняю, невзирая на чувства, которые испытываю к Вам и Вашему окружению. Потому что как мать желаю своему ребенку лучшего. И пусть я этого не увижу, но верю, что именно он станет тем, кто пробудит дар Священной Пары.

И замолчала, давая понять, что не отказываюсь от ссылки, а предлагаю временную альтернативу. При условии, что герцог хочет того же – пробуждения древнего дара. Хотелось сказать многое, очень многое. Но вот беда – от моих слов ничего не изменится! Эта скотина лучше относиться к жене не станет.

Ему досталась игрушка, которую он с легкостью сломал. А теперь его желание сбылось – он получил законного наследника. Значит, сможет зачать ребенка с любимой женщиной и перестать ее пичкать противозачаточными или снадобьем, заставляющим скинуть плод.

Возможно, я бы и пожалела мужика, оказавшегося в такой ситуации, когда весь мир был против его любви, когда он даже детей не имел права завести от той, которую любил. И жениться не мог на своей рыжеволосой заразе – худородной дочери торгаша, притом не самого полезного и успешного.

Таковы традиции королевства, таковы законы этой страны. Первенцем титулованного господина должен быть ребенок, рожденный в законном браке. И никак иначе. В противном случае можно и земель лишиться, и титула. А на это, понятное дело, местные герцоги, графы и прочие пойти не могли.

Кишка тонка отказаться от всего ради своей любви.

Это уже после рождения ребенка в браке можно завести бастардов, а до того – ни-ни.

Да, я смогла бы его понять, но при условии, что нежеланную и нелюбимую жену не стали бы гнобить. Если бы герцог был мужиком и честно поговорил с девочкой, та не смогла бы отказаться. Она и так на любовь не рассчитывала.

Обеспечил бы ее защитой, дал бы возможность свободно дышать в замке, позволил бы заниматься воспитанием совместных детей, а не отдал в руки жадной, завистливой и ревнивой бабе.

К тому же Стейзи была неопытна, но не глупа. И вместо того, чтобы враждовать с ней, ему стоило поступить совершенно иначе. Я уверена, она смогла бы добиться королевского расположения и вернуть роду причитающиеся привилегии. А в том, что герцог в опале, я не сомневалась.

А посему мне его не жаль. Ни единого мгновения. Вот только поделаться ничего не могу, пока я в его власти...

– И Вы даете гарантии, что при условии Вашего кормления у моего наследника пробудится дар?

Надо же, на «Вы» перешел.

– Как я могу? – ответила ему. – Я не Священная Пара, чтобы говорить о таком с уверенностью. Я лишь поделилась тем, чего сама была лишена и о чем сокрушалась моя матушка. Решать Вам, муж мой.

И замерла, кажется, даже дышать перестала. Получится ли? Клюнет он на приманку, или желание избавиться от жены пересилит?

– Будь по-вашему, – спустя несколько минут пристального разглядывания выдал герцог. – Я позволю Вам остаться на ход при условии, что Вы сможете кормить ребенка столько времени...

То есть пока не пропадет молоко... Нет, так-то логично...

– Для этого я должна оставаться в спокойствии, хорошо питаться и гулять на свежем воздухе.

После моих слов глаза герцога чуть ли не огнем полыхнули. Ну а как он хотел? Его рыжая тварь палки ж в колеса ставить будет, если он ее не одернет и не отдаст приказ не лезть ко мне. Однако дергать за усы тигра в мои планы не входило, поэтому я невинно добавила:

– Полагаю, лекарь сможет дать более точные рекомендации. Мне, к сожалению, известно только это.

– Я отдам распоряжения.

Герцог расслабился, но «укусить» не отказался.

– Еще пожелания?

Яда бы спедить, да банки рядом нет. От такой змеи яд наивысшей пробы был бы.

– Скорее, просьба, Ваша светлость. Пока я не выздоровею окончательно, оставить ребенка при мне. В коридорах замка прохладно, носить Его светлость каждый раз на кормление – не лучшая идея. Это может послужить причиной болезни. Я же пока дойти в детскую не смогу.

– Хорошо, – отрывисто бросил мужчина, явно недовольный моей просьбой, но понимающий ее рациональность.

А может, с тем же лекарем еще посоветуется. Черт его знает.

Я оглянуться не успела, как осталась в одиночестве. Правда, ненадолго. Но то уже были приятные хлопоты...

Глава третья

– Ты ж, мое солнышко! – я склонилась над колыбелью и замерла, с умилением глядя на сына.

А кто б замер, когда это чудо во сне улыбалось, чуть причмокивало и выглядело так, что в груди солнце лучи распускало.

А может, и не солнце. Зеленая нить с каждым днем становилась ярче, крепче и пропадала уже не так быстро. Правда, кроме меня ее никто не видел. Конечно, в лоб я не спрашивала, но заметь что-то такое няньки или слуги, сдержать свою реакцию они бы точно не сумели.

Я не знала, что это такое. Магия? Безусловно. Тот самый утраченный дар Священной Пары. Вот только чего от него ожидать? Знания об этом даре родителями Стейзи были либо утеряны, либо ей просто ничего не передали. Какого плана этот самый дар? Что из себя представляет? Загадка, которую разгадать придется мне.

Илюша сладко зевнул и снова улыбнулся во сне. Да, я называла сына Илюшей, Ильей, как былинного богатыря. И пусть кто попытался бы мне запретить! До именованья оставалось пять дней, вех по-местному, но кто сказал, что у Его сиятельства должно быть одно имя? В общем, мне было плевать на мнение окружающих, их все равно не спрашивали. А время, что я проводила с сыном наедине, принадлежало только мне.

Здоровенький, практически беспроблемный карапуз. Почему практически? Потому что мог задать жару, но не всегда этого хотел. Преимущественно ор начинался, когда к герцогу во время посещения им сына присоединялась рыжая мерзавка. Уж не знаю, чем, но Илюше эта коза не нравилась.

К сожалению, я не присутствовала при их общении, мне запретили в это время выходить из спальни, а ребенка выносили в гостиную. Я могла только подслушивать. И так уже почти три недели...

На самом деле назвать легкими эти дни было нельзя. Я выдержала борьбу с прислугой. И той, что была приставлена ко мне, и с няньками Его светлости.

Я не скандалила, нет, просто использовала статус и положение Стейзи. Как бы герцог ни относился к герцогине – прислуге такое пренебрежение не позволено. Тем более, когда Его светлость оставил под моим присмотром своего единственного сына.

Те из слуг, кто обладал умом, затихарились, наблюдая за переменами молча, и не лезли на рожон. Прекрасно сознавая, что некоторые уступки мне от Его сиятельства еще не значат ровным счетом ничего. А потому не торопились выказывать ни свое расположение, ни презрение.

Те, кому ума не хватало, пытались то ли угодить Сарвенде, то ли просто сами по себе были злыми и находили некое удовлетворение в том, чтобы досадить мне – той, кто был выше по положению по факту своего рождения.

Не знаю... Но насмотрелась я достаточно. И на поротые задницы в том числе. А не стоило приносить мне вместо нормальной пищи тухлятину!

Естественно, приказ о порке отдавала не я. И не потому, что не хотела или не могла. Не стой надо мной дамокловым мечом муж, я бы ту дрянь, что испорченную еду мне принесла, этой тухлятиной и накормила бы.

Нет, я должна была создавать видимость своей беспомощности и полной, безоговорочной капитуляции на милость мужа. Иными словами, он должен был увериться, что самостоятельно я никакие решения не принимаю, и чуть что – сразу бегу к нему.

Для чего я так поступала? А для того, чтобы в решающий момент, когда буду способна нанести удар, он даже ни на секунду не подумал на меня. К тому же все это случилось в первые дни пребывания сына в моих покоях, и я все еще в достаточной мере не владела своим телом.

Я потребовала позвать герцога и лично испробовать то, чем потчуют его супругу, а значит, и наследника. Ведь все, что ела я, получал с молоком и наш сын. И герцог это отлично понимал.

И пусть не в тот же день, но я узнала, что одна из личных служанок рыжеволосой стервы была выпорота и повешена. За покушение на жизнь и здоровье Его наследного сиятельства. Конечно, стоило повесить саму Сарвенду, все ж самостоятельно служанка вряд ли приняла бы подобное решение, заодно сговорившись с теми, кто был приставлен ко мне. Но...

Если отбросить собственную жалость и несправедливость, жестокость этого мира, то случившееся стало моей маленькой победой. Почему? Да потому, что навредить пытались именно мне, и только косвенно – моему сыну, а герцог все равно наказал виновного. И не все люди, работавшие в замки, были дураками. Не все...

Да и Сарвенде герцог запретил появляться в моих покоях. Она могла приходить только вместе с ним, в моменты, когда он навещал сына.

Не сказать, что у меня было достаточно времени, чтобы вышколить прислугу. Увы, за пять лет все в замке привыкли, что до чайний и желаний герцогини никому нет дела. Но я присматривалась к людям и видела изменения. Второй набор слуг мне нравился куда больше первого, того самого, поротого за мелкие и не очень мелкие каверзы.

Из няnek я смогла выделить одну женщину, весьма необычную по меркам местных. В ней текла северная кровь, и ее кожа практически не поддавалась влиянию солнечных лучей. Хоть и не сказать, что местные были прям черные. Нет, просто загорелые, смуглые. А эта женщина на их фоне выделялась.

Лет ей, по моим меркам, было не больше сорока. Крепкая, нетолстая, чаще молчаливая, а если что и говорила, то только по делу.

Во взгляде Интены не было особого преклонения или желания угодить ради собственной выгоды. Нет, ее взгляд был наполнен спокойствием и уважением. Я симпатизировала ей еще и потому, что она явно любила детей. Илья совершенно точно это чувствовал. Потому что в ее руках довольно быстро успокаивался, легко давал себя перепеленать и не выглядел недовольным или грозным.

Чутье подсказывало, что на такую няньку можно положиться. Она ни за какое золото мира не навредила бы своему подопечному.

Вторым человеком, на которого пал мой взор, стала довольно молоденькая девушка, явно взятая в замок недавно и приставленная ко мне в личные служанки. Простоватая, миловидная, с легким акцентом, чем-то смахивающим на украинский говорок. Во всяком случае, некоторые слова для меня звучали именно так. А уж коронное гхеканье...

Наверняка местные называли такой говорок иначе. Но меня он особо не волновал. А вот личные качества девушки, характер, а также ее семейные обстоятельства...

Люси была очень наивная и вместе с тем невероятно добрая. Конечно, зашуганная более старшими товарками, но смотрящая на меня, как на некое божество. Это не то чтобы льстило, это открывало простор для манипуляций. Как и тот факт, что девочка была сиротой.

Исподволь я расспрашивала слуг об их житье-бытье. Чем славится герцогский край, что растет на полях, чем радуют плодовые сады, какова земля... Какой климат, насколько суровы зимы...

Если Стейзи это было безразлично, то мне информация требовалась позарез. Я должна была знать, что здесь произрастает, каков размер получаемого урожая, чем и кто торгует, как обстоят дела с кузнечным, гончарным, стекольным мастерством, какой скот держат, чем кормят, достаточно ли лугов для выпаса...

Меня интересовало абсолютно все. И в разговоре я всегда давила на тщеславие и гордость собеседника, мимоходом хваля другие области страны, которые были знамениты тем или иным мастерством. Спасибо начитанности Стейзи, которая тоннами поглощала местные легенды и

мифы не только о прошлом этого мира, но и о чудесных безделушках, что привозились на столичную ярмарку.

Расспрашивала, мотала на ус и думала о том, что герцог все-таки идиот. Обладая такими землями (лесостепь, десять подвластных деревень), местами с очень плодородной почвой (чернозем!), он использовал не все, а максимум одну треть. А ведь можно было развернуться! Да так, чтобы сделать герцогство самым процветающим и приносящим невероятный доход. Только эта зараза совершенно не хотела вкладываться в своих людей. Боже, да тут большинство жило в соломенных домах, обмазанных глиной, а мясо едало лишь по большим праздникам! Это вообще как? При том, что леса для строительства домов было полно!

Не положено, герцог вырубает на продажу... Идиот! И скот на продажу... Да лучше б стерлядь свою рыжую продал, больше толку было бы!

А налоги – вообще отдельная песня...

Чтобы что-то иметь, нужно вкладываться, вкладываться и еще раз вкладываться. Чем лучше будут жить крестьяне, тем больше они будут пахать. Когда есть надежность, стабильность – есть и будущее. И тогда уезжать никто не захочет, и детей будет растить в любви к герцогу, молясь о его благополучии...

Я слушала слуг и думала о том, что при таких темпах разбазаривания ресурсов и особо наплевательском отношении герцога к своим людям, моему сыну останутся лишь головешки. Если, конечно, король в свою пользу земли не отберет (не зря же мужа из столицы погнали, ой не зря). Да, это последние пять лет муж безвылазно сидел в замке, а до того в столице шикавал. Наезжал раз в год, деньги собирал и отчаливал... Какое ему дело до тех, кто от него зависит? Он же герцог! Царь и бог! Тьфу!

Вздохнула и отошла от колыбели.

Что бы я ни думала о герцоге, а мне с ним жить. Желательно – не до моей смерти. А разводов тут и вовсе нет. Во всяком случае, Стейзи о них было неизвестно.

Жаль, конечно. Было бы неплохо объявить герцога умалишенным (а какой он после всего, что творил с законной супругой?) и взять управление герцогством на себя.

Мечты-мечты... Однажды они могут стать явью. Уж я к этому и руку приложу, и все усилия.

А пока...

– Идемте, – негромко приказала я.

Еще не хватало Илюшу разбудить. Планов громадье, и все нужно переделать.

Да, я уже могла самостоятельно передвигаться. Не так резво, как хотелось бы, но... На данном жизненном этапе и за это спасибо.

К сожалению, многолетняя травля, как физическая, так и психическая, сказалась на теле Стейзи не лучшим образом. И уж вовсе добила его последняя беременность. Поэтому я не ждала чудес и не нагружала себя по максимуму, придя к логичному выводу, что на все нужно время и постепенность.

Иными словами, давать следует такую нагрузку, которую организм способен не только выдержать, но и усвоить. А посему легкая зарядка с утра, в течение дня неспешная ходьба по покоям (не только спальне), вечером очередная зарядка и обязательное разминание мышц.

И пусть поначалу на меня смотрели круглыми глазами, не понимая, чего такое странное требует делать герцогиня со своим телом, но вскоре привыкли. А уж Люси можно было назвать мастерицей в этом вопросе. Ее внешность была обманчива. Тонкий, гибкий стан и, казалось бы, хрупкие руки, но за ними угадывалась сила.

Да и как иначе? Если ребенок с детства привык к тяжелому ручному труду? Поноси-ка воду из колодца! А коров доить? За утро так набегаетесь, что ног под собой не чуешь. А впереди еще целый день труда, только успевай веником шустрым летать.

Поэтому я понимала, что работа в замке для многих деревенских кажется раем. Здесь они хотя бы могли поспать подольше.

Но вернемся к текущим проблемам. Понятно, что у меня воз и маленькая тележка тех самых проблем, но есть и насущные. Именование наследника, которое пройдет в главном храме герцогства.

По мне так можно было обойтись замковой часовней, пригласить сюда жреца и жрицу (в этом мире церковная власть имела именно такой вид – в храмах соседствовали и жрецы, и жрицы, а чаще всего главные жрец и жрица являлись супругами) и именовать Его сиятельство. Но нет, традиция!

Ребенка везут в главный храм, к которому собирается народ, где и происходит обряд именованья, а позже дитя показывают людям.

Сначала этот момент меня напрягал. Показывать ребенка каждому желающему? Бред какой! Потом я поскребла память Стейзи и выдохнула, потому что показывать будут единожды – герцог, он же отец, после именованья должен будет выйти на крыльцо храма и поднять дитя над своей головой. На этом все.

– Ваша светлость, швеи ожидают разрешения войти, – обратилась ко мне одна из служанок. – Велите впускать?

А то как же, велю, конечно. Мне их помощь нужна.

Это по своим покойам я могу ходить в домашнем платье, которое на мне болтается. А вот в поездке должна выглядеть соответственно статусу. И вот с этим была беда...

Все, что имелось в гардеробе у Стейзи, не подходило категорически. Оно с меня сползало. Даже чулки, которым полагалось нежно обнимать ножку, пузырились на манер паруса. Залетай, ветерок! Здесь есть, где разгуляться!

Поэтому требовалось ушить платья. В идеале – несколько, но главным на повестке было одно – парадно-выходное. Пошить новое швеи точно не успеют. Да и у герцога я выклянчила только переделку. Чтоб ему пусто было, тому герцогу. Кто так с законной супругой обращается?

В гостиную вошли три швеи. Две из них в летах, одна молоденькая. Ей-то и выпала честь тащить все швейные принадлежности. Такое впечатление, что в замке слуг не хватает.

Я вздохнула и натянула на лицо благожелательное выражение. Не слуг мало, а слишком жадна одна рыжая гадина.

На софе позади меня были разложены три туалета. Эти платья я с помощью служанок отобрала после того, как мы перетрясли весь гардероб. Негусто, конечно... Но для подобного торжественного события очень яркие цвета не подходили, в идеале требовалось надеть одежду в родовых цветах герцога: темно-синем (я, бледная поганка, используя только этот цвет, буду выглядеть умертвием), белом и темно-оранжевом.

По преданию эти цвета олицетворяли благословенное дождем небо, богатую урожайность земель и чистоту душ, живущих на этих землях.

К сожалению, мы не смогли найти платье, которое сочетало бы в себе все три цвета. Но было одно, которое подходило практически идеально при условии, что швеи таки найдут оранжевую ткань для вставок на грудь и по подолу. Само платье было белым, но с крупным узором синего цвета по всей юбке и рукавам. Поэтому оранжевый не только хорошо вписался бы, но и оживил наряд.

Пока я размышляла, троица низко склонилась и застыла, ожидая моих распоряжений.

– Поднимитесь.

Я рассматривала женщин и очень надеялась, что руки у них растут из нужного места. Была мыслишка, что Сарвенда захочет и тут напакостить.

Это все мелко, конечно, недостойно, но кто знает, насколько она умеет анализировать ситуацию и просчитывать шаги? Является просто завистливой ревнивой дурой или умной стервой? Это тоже очень важный аспект для моей последующей борьбы.

Одно дело – в стенах замка гнобить законную супругу, и совсем другое – выставять подобное на люди. Особенно в такой торжественный момент, как именование наследника герцогства.

Но как показало последующее взаимодействие со швеями, Сарвенда все же была не так глупа. Далеко не глупа. Да, свое влияние на всех в замке она оказывала, однако при этом хорошо понимала, где гадить не стоит.

С меня сняли мерки, просмотрели отобранные мной туалеты и заверили, что успеют их переделать, а чуть позже обязательно возьмутся за остальные. И если мне будет угодно, пошлют что-то новое.

Естественно, будет.

Я расспросила их о штате швей в замке и выяснила следующее: их светлостей обшивала одна группа, состоящая из четырех мастериц и семи помощниц. Причем у них было разделение труда: кто-то шикарно вышивал и в основном занимался вышивкой, кто-то – кройкой и шитьем.

А чернь и слуг, стоящих в более высоком положении, обшивала другая группа, в которой было всего две мастерицы и три помощницы. И да, не всегда эта самая одежда для слуг выдавалась бесплатно. У кого-то оплату за нее из жалованья вычитали. Крохоборы!

В-принципе, это было логично: разный уровень объема работ, запросов, а также труда и материалов. Не каждому доверишь кромать дорогую ткань, да и золотую и серебряную нить не каждому поручишь.

Однако, учитывая, что слуг-то поболее будет, разумнее было бы увеличить штат второй группы, раз уж имелось такое разделение. Вообще, шикарно устроились...

Мне не только подобрали оранжевую ткань для выходного платья. Помощница раза три бегала, принося то, что требовалось швеям, и в выборе я принимала непосредственное участие. Мы успели наметить необходимое количество нового белья, домашних и прогулочных платьев. В общих чертах. Позже я намеревалась сделать более подробный заказ.

Уже завтра швеи обещали принести наряд на первую примерку.

Однако перевести дух после их ухода я не успела, потому что прибежала Люси, отправленная мной за полдником, и объявила, что ко мне направляется Его светлость.

Вот, к слову, еще один плюс. Раньше мне никто и ничего не докладывал. Ну идет Его светлость к жене, ну так будет ей сюрприз. Это последние две недели я загодя знала, когда именно герцог появится в моих покоях.

Вздохнула и мысленно досчитала до десяти. Я должна была выглядеть спокойно, с какими бы вестями этот гад ни пожаловал. Для его ежедневных проверок сына было еще рано, он приходил всегда перед ужином, а значит, его или возмутили мои траты, или случилось что-то такое, что требовало моего вовлечения.

К тому моменту, когда ко мне ворвался взволнованный ураган (а такое не сыграешь!), какими бы там ни были вести – они шибко ударили по нервной системе моего недомуженька.

Платок шейный сбился, он явно теребил его от волнения, лицо покраснелось, а глаза и вовсе огнем полыхали.

Что там такое ему прислали? То, что дело не в домашних дразгах, было ясно однозначно. – Все – вон!!

Да что ж так кричать?! Тут, конечно, звукоизоляция неплохая, но за стенкой, между прочим, ребенок спит! С ним, конечно, Интена осталась, но мало радости успокаивать заведенного наследника, которого разбудили не вовремя.

– Люси, иди в спальню, – приказала я раньше, чем все служанки успели разбежаться.

Пусть, в случае чего, помогает няньке. Ту же пеленку подать.

– Это ты! – рыкнул Его светлость, когда мы остались одни. – Твои происки!

И в меня полетел белоснежный лист, сильно смятый. Что, впрочем, не помешало мне его поднять, расправить, а затем и вчитаться в написанное.

Поначалу я продиралась сквозь буквы с трудом. Шло небольшое наложение. То я лишь различала буквы, которые хоть и были узнаваемыми, но в слова не складывались, то вдруг понимала этот алфавит и улавливала смысл написанного.

– Так Вас можно поздравить... – дочитав письмо и подавив радость, произнесла я.

– Что? Поздравить? Дрянь!

Я не ожидала нападения, а потому просто не успела отклониться. И мне достался удар, от которого моментально зазвенело в голове, а губы предательски зажгло.

Однако второго удара не случилось. Еще чего не хватало!

Я нырнула под его руку и обернулась. Если честно, еле устояла. Однако смогла!

– Когда ты отправила донос?!

Мой маневр не понравился мужчине, ему зело требовалось выплеснуть свою ярость и злость. А на ком? Тут два варианта – прислуга и я. По его разумению.

– Ваша светлость, – ледяным тоном отчеканила я, выпрямившись и стараясь не морщиться от боли, хотя по подбородку потекла кровь. – Извольте успокоиться и выслушать меня. Никакого доноса я не писала. Да если бы и хотела, не вышло бы. Вы забыли, что всю мою корреспонденцию проверяете лично? А писем от родни я и вовсе пять лет не получаю.

Заметив, что меня наконец слушают и больше не делают попыток ударить, продолжила:

– Подарки к именованию сына от Его величества – огромная честь. Как и гость, который их привезет. Он едет на именование наследника рода Дарремского, а заодно свидетельствовать, что ребенок рожден от законной супруги.

Я промолчала о том, что раз сюда отправлен кто-то на проверку наследника, то рыльце у мужа не просто в пуху! Видимо, прогневал он короля знатно, и доверия к нему венценосная особа не имеет, раз решила, что тут возможен подлог.

Хотя после стольких выкидышей...

– Никого из них не интересует мое положение и наши взаимные обиды. Цель четко указана в письме. Следовательно, Вас можно поздравить с тем, что Его величество выказывает Вам расположение, а значит, возможно Ваше возвращение в столицу и окончание опалы.

– Опалы? Кто тебе сказал?

– Сама догадалась, – спокойно ответила. – Вы очень редко выезжаете, чаще всего на пару дней, и тотчас же возвращаетесь, хотя раньше подолгу оставались в столичном доме.

– Не дай тебе Священная Пара открыть рот не ко времени и пожаловаться нашему гостю! Лично молчать заставлю. Навеки!

Да кто бы сомневался...

– Не забудьте об этом напомнить прислуге и Вашей женщине. Хотите Вы того или нет, но на время пребывания столичного гостя Вам придется стать идеальным супругом.

– Смеешь указывать? – прошипел он так, что я снова невольно вспомнила змей.

Та еще гадюка, отравленная собственным ядом.

– Вам решать, – не дрогнув, ответила ему буквально в лицо. Отойти эта зараза не подумала. – Мне нечего терять. Моя судьба уже решена. А вот наследство сына меня волнует. Он должен получить свое по праву рождения. И если Вы лишитесь титула и земель, наследовать будет нечего.

Увы, и такое в этом мире бывало. Законные наследники, чьи родители были уличены в чем-то противозаконном и лишены регалий, оставались с носом, как неблагонадежная кровь. Все уходило в пользу короны, а на конфискованные земли назначался наместник.

Учитывая же армию короля и его отличную военную подготовку, спорить с ним не получалось. Совсем. Однако эти самые наследники имели некий шанс все вернуть в будущем, доказав свою лояльность и любовь к короне путем долгого выслуживания.

– Помни об этом.

Конечно же, последнее слово должно остаться за его сволочностью.

Когда дверь за герцогом закрылась, я выдохнула. Но расслабиться не успела, потому что раздался крик Илюши. Громкий, требовательный, испуганный. И ребенок явно кричал не одну минуту... Не просто кричал – надрывался.

Как неслась в спальню – не помню. Вроде только в гостиной стояла, а уже прижимаю сына к себе.

– Помилуйте! Парой Священной клянусь! Оно само!

– Само! – вторила ей Люси.

– Что само? – я подняла голову и уставилась на причитающую няньку. Неужели меня на ее счет интуиция подвела?

– Само появилось, кля... – вскинув голову, начала женщина, но осеклась. – Как же это?.. Как...

– Священная Пара! – ахнула Люси.

Я примерно догадывалась, что они видели перед собой. След от руки Его сиятельства. Кровь уже запеклась, но приятней моя внешность не стала.

Впрочем, это ерунда. Почему мой ребенок так надывается?

Перевела взгляд на сына и обомлела. В уголке рта у него запеклась кровь. Совсем немножко, но она была. И вот это – само?!

– Какая тварь это сделала? – просипела я, коршуном разглядывая стоящих на коленях девушку и женщину.

Сказала и осеклась.

Отчасти потому, что наконец-то заметила, какими взглядами на меня смотрела прислуга. А еще потому, что мой мозг выдал невероятное объяснение. Верить в него не хотелось, но...

– Он спал, – всхлипнула Интена, – и вдруг как закричит! А на лице...

Я качала сына, пытаюсь успокоить, и мрачно думала о том, что это не дар, это наказание. Если я правильно понимала, то пощечина герцога по моему лицу каким-то образом задела и Илюшу. Может, не в такую силу, но и этого было достаточно. Более чем...

Богами клянусь, герцог больше никогда и пальцем меня не коснется. Убью! Порву за сына!

– Вы будете молчать об этом, – грозно сказала я, когда ребенок поутих. – Никому ни слова.

Два взгляда, направленных на меня, более-менее обрели ясность.

– Клянитесь, – потребовала сурово.

Пока они лепетали слова клятвы навроде «богом клянусь», которая, по сути, никакой силы не имела, я хмуро думала о том, что моя проверка на вшивость этих служанок начинается прямо сейчас. Предадут или нет? Разнесут по замку весть или нет? Если Люси и была совсем наивной, то нянька явно что-то поняла. Может, пока не все. Но увидев меня с такой же травмой, позже все проанализирует и придет к верному ответу.

Мы с сыном связаны. Уж не знаю, насколько прочно, и отразится ли моя смерть на нем... Не знаю. И думать о таком ужасе не желаю. Мне нужны ответы о даре. Имею ли я право молчать? Не докладывать герцогу? А если тот проверять возьмется?!

– Ваша милость, разрешите принести с ледника... – начала Люси, но замолкла, наверное, испугавшись своей смелости.

– Неси.

Илюша снова заснул, и я уложила его в колыбель. Пока укладывала, осталась наедине с нянькой.

Что же мне делать?

Глава четвертая

Дни летели со скоростью света. Казалось бы, только вчера я сделала страшное открытие в отношении дара, а сегодня уже день именованья Илюши.

Не сказать, что я выглядела отлично. Увы, люди, подвергшиеся длительному стрессу и внутренним изменениям организма, так быстро не выздоравливают. Но на ногах держалась вполне уверенно, да и платье, которое подогнали по моей фигуре и украсили оранжевыми вставками, по-настоящему радовало взгляд и делало мой внешний вид не настолько болезненным.

От синяка не осталось и следа. Да и не таким огромным тот синяк был, а уж лед, который принесла Люси, и вовсе отек снял. Меня больше Илья волновал, чем я сама, но у него след на лице исчез в тот же вечер. Словно и вовсе не было... Магия, чтоб ее!

За эти дни мне успели переделать не только платье для поездки в храм, но и три домашних, а также два прогулочных. Правда, они не были рассчитаны на поездки верхом или в карете, годились только для прогулок в саду. Но и это было прекрасно. Ребенку необходим был свежий воздух, тем более, что сад позади замка, в котором любила гулять Стейзи, оказался восхитителен. Мне бы хотелось там пройтись и подышать ароматом цветущих деревьев. Да и для моего здоровья это будет очень и очень полезно.

Радовал и тот факт, что стояла поздняя и теплая весна. Почти лето. Простудиться в поездке никто не должен. Да и в храме Священной Пары не должно быть холодно.

Я присматривалась к своим служанкам, ставшим невольными свидетелями проявления моего дара, но и они тоже стали более внимательны ко мне. Особенно Интена. Оно и понятно, она была старше и мудрее, чем Люси. Уж не знаю, к каким выводам няня пришла, однако не раз я замечала, как та одергивала своих товарок. И что-то подсказывало мне, что и за пределами моих покоев она вставала горой за свою хозяйку. Стоило ли так делать сейчас – отдельный вопрос. Но пока я присматривалась к ней и ничего не говорила.

Учитывая то, что раньше ее интересовал только ребенок, а не господские дрызги, выглядело это все довольно оптимистично для меня. Мне нужен был свой человек в замке. Пусть даже и нянька.

К слову, ни та, ни другая не выдали нашего секрета. Люси, правда, совсем блаженно на меня глядела, как на чудо, сошедшее с небес, но это было терпимо. Потому что рвение, с каким девочка выполняла мои поручения, было достойно награды.

Я так и не пришла к однозначному выводу касательно того, что мне делать с открывшейся правдой о даре. Умом-то я отлично понимала, что заяви муженьку о связи с наследником, у того просто не останется выбора, как сохранить мне жизнь.

Но при этом не сомневалась, что ежедневно буду подвергаться проверкам посредством рукоприкладства, пока наконец герцог не получит нужный ему результат. Вряд ли он когда-нибудь откажется от мысли избавиться от постылой жены. Подобного я допустить не могла. А посему решила молчать до тех пор, пока ситуация не станет критической для меня.

И, конечно, я не позволю отобрать у меня ребенка. Ни о каких детских покоях речи просто идти не могло.

– Ваша милость, Его светлость идет... – выдохнула запыхавшаяся Люси.

Неужели вспомнил о приличиях и о том, как герцогине подобает выглядеть перед народом? Было бы неплохо...

Моему образу герцогини не хватало очень важной мелочи – родовых драгоценностей. У Стейзи не хранилось ничего. А деталь эта была довольно значительная... Регалии герцогские, как-никак.

Особенно при условии присутствия на торжестве королевского проверяющего, который должен был прибыть прямо в храм Священной Пары, а затем погостить у нас пару дней.

Опять же этот проверяющий... Чего от него ждать? С каким настроением он едет, с каким приказом? Так ли ему плевать на герцогиню, как я уверяла мужа, или все-таки нет?

Хотя столько лет король никак девочку не выделял... Чего ему ее жалеть? Она выгодную партию сделала, а что там в семье творится – никому не интересно. Главное, чтоб долг свой выполнила – наследника родила.

Я вздохнула и мысленно сосчитала до десяти. Чего сейчас нервничать? Решать проблемы будем по мере их поступления.

– Ваша светлость, – прислуга синхронно склонилась перед вошедшим герцогом и его камердинером.

«Угадала, – глядя на массивную шкатулку в руках последнего, подумала я. – Точно драгоценности».

– Ты готова, чудесно, – тоном, каким обычно говорят о неприятном запахе, заявил муж и взмахнул кистью.

Щелкнул замок на шкатулке.

– Браслет, – сказал герцог, и в его руку лег массивный браслет, выполненный из красного и белого золота, украшенный сапфирами.

«Брачный», – хмуро определила я, пока муж надевал мне его на запястье.

Так-то я его вообще снимать не должна, за редким исключением. А тут чуть ли не под роспись выдает. Жлоб.

Конечно, ничего подобного я не говорила вслух. По моему лицу никто ничего не смог бы понять. А все почему? А потому что я не просто изображала довольство от происходящего, нет. Я думала о сыне, и потому моя улыбка не казалась кривой и фальшивой.

И продолжала улыбаться, когда из шкатулки вслед браслету была вытащена парюра: кольцо, серьги, тиара и еще один браслет. Все на удивление, не массивное, а изящное, хотя, несомненно, бесценное.

Золото, сапфиры... Настоящие сокровища!

И что приятно вдвойне – не особо тяжелые. Впрочем, если носить сутки, то голова от тиары непременно начнет болеть.

Я позволила себе усмехнуться, глядя в мутное зеркало. Думала ли когда-то девочка, выгребавшая в детстве навоз за коровами, что будет стоять в герцогских регалиях?

Нет, понятно, что когда сама я встала на ноги и стала зарабатывать прилично, баловала себя драгоценным металлом, и в моей коллекции были удивительные украшения еще советских времен.

И пусть для молодежи они выглядели «ужасно», как однажды заявила мне Анечка, правда, при этом жутко смущаясь, но я-то знала их истинную ценность. Не чета тем, что сейчас продавались под видом золота и драгоценных камней. Никаких искусственных камней, сплошь натуральные, ограненные под строгим знаком качества. А семьсот пятидесятая проба... А рижская ювелирка...

Я вздохнула и заставила себя вернуться в реальность. Вот же ж, карга старая, вспомнила старую обиду на невестку. Не понравились ей мои украшения – так чего теперь о том вспоминать? Тьфу! Да и Сережка вполне способен купить Анечке не низкопробную дешевку, и такого фасона, который ей нравится.

– Благодарю, – улыбнулась мужу.

Я ж должна выглядеть счастливой от оказанной милости, а то как же!

– Оставьте нас, – потребовал супруг.

Прислуга практически бесшумно испарилась: кто за дверь, а кто в мою спальню (Люси и Интена с корзиной, в которой спал недавно накормленный Илюша).

– В твоей свите будет леди Сарвенда, – поставил меня в известность муженек.

Что, впрочем, не стало для меня открытием. Я так и предполагала, что рыжеволосую стервь герцог захочет выдать за мою если не подружку, то компаньонку.

– И если Священная Пара будет сегодня милостива, то она и нареченной матерью станет...

– Кем? – выдохнула я и замерла.

Потому что осознала не только смысл сказанного, но и масштаб подставы. Здесь нареченные родители – это крестные малыша.

Сарвенду в крестные матери моему сыну?!

– Нареченной матерью. Я жду от ритуала именованья милости богов. Ты должна знать, что при благоприятном исходе эти ритуалы можно совместить и не ждать еще полтора хода.

Наверное, мое замешательство и молчание супруг оценил как согласие, отчего довольно оскалился.

Я же мысленно костерила влюбленного идиота на все лады и, словно бусины, перебирала воспоминания Стейзи об этом ритуале.

К сожалению, получалось, что вариантов у меня немного. Лишь молиться Священной Паре, чтобы не допустила эту кикимору в нареченные матери, ибо этот статус считался официальным.

В случае гибели кровных родителей именно нареченные родители были первыми в очереди на опеку детей. И тут уже не играл никакой роли их социальный статус, так как боги дали свое дозволение. Но был еще один нюанс: при условии вдовства считалось незачем брать второй женой или вторым мужем нареченного родителя, который – вот совпадение – обычно оставался неженатым или незамужним! Даже поощрялось.

Понятно же, чего эта скотина добивается! Король запретить герцогу жениться на Сарвенде при таком раскладе не сможет. Правда, при условии, что Сарвенда не совершит такого проступка, за который ее или сошлют в монастырь, или еще куда похуже, или же казнят.

И у меня выбора нет! Я должна отдаться на милость богам, а если тем будет угодно, совместить ритуалы! Мне придется при всех высказать свое несогласие, и тогда по возвращению в замок ждет меня несчастный случай! Ладно, пусть не сразу, а после отъезда королевского засланца.

Подстава. Еще какая!

А молчать я не стану. Благо могу, прямо не отходя от священного алтаря, рассказать королевскому проверяющему о том, как супруг обращается с законной супругой, и надеяться на королевскую защиту.

Но это все очень крайний случай. Настолько крайний, что его совершенно не хотелось бы, ибо сдастся мне, что король найдет лучшее применение той, которая способна передавать волшебный дар своим детям.

Очередное замужество? А это значит, что ребенка отберут. Герцог-то жив, и наследник ему нужен. А даже если и лишат герцога его герцогства, к ребенку просто опекуна приставят, а меня отправят в новую семью и не спросят, хочу ли я расставаться со своим сыном.

Может, конечно, я очень плохо думала о монархе, но что-то раньше его заботу о Стейзи не видела. И сейчас надеяться на нее как-то не приходилось.

– Вижу, ты все поняла и подтвердишь мой выбор нареченных родителей.

– Родителей? Вы только о матери высказались, – ровный тон давался мне с великим трудом.

– Нареченным отцом будет присланный Его величеством гость.

Нормально так порешал. Ни у кого ничего не спросил!

– Он не посмеет отказаться. К тому же, приехать должна титулованная особа, к которой благоволит король.

Так-то отличный ход – заручиться поддержкой рода, который в милости у короны. Даже став им принудительно, крестный отец должен будет оказывать знаки внимания своему нареченному дитя. И не только в материальном плане, но и в воспитательных моментах тоже. Ну... Лошадь там подарить и научить на ней ездить.

– Веди себя тихо и не доставляй мне проблем, – напомнил муженек. – По возвращению скажись больной и откажись от праздника.

О готовящемся в замке празднике я знала. Но так как участия в подготовке не принимала, не особо рассчитывала на то, что буду на нем присутствовать. Да и будем честны, эта поездка должна была стать для меня тем еще испытанием. После столь длительного нахождения в постели и в пока еще откровенно жалком состоянии...

Я найду другую возможность пообщаться с гостем.

– Так и собиралась поступить, – заверила герцога.

– Рад, что ты еще не утратила благоразумия. Жду вас с сыном внизу.

Правильно, зачем сопровождать супругу, когда там Сарвенда от злости лопается? Драгоценности ведь не ей достались.

Ничего, прорвемся.

В карету я усаживалась вместе с Люси и Интенной, выдержав такой бой, что куда там вулканам с их извержениями.

Служанок? Временную няньку? В карету с госпожой? И если вы подумали, что речь обо мне, то шиш вам вместо масла на бутерброд.

Все верно, раз уж Сарвенда стала моей свитой, то именно ей предстояло ехать со мной в карете. По правде говоря, ехать я должна была с герцогом. Все же мы семья, и так далее... Однако муженек, вообще-то, поступил мудро. Почему?

Да потому что едет впереди, и если что случится, то это случится с ним, а мы нагоним его уже к последствиям. И это правильно! Древний, я бы сказала, пещерный инстинкт: вперед идут мужики, чтобы если притаился монстр, он сожрал их, а женщины с детьми успели скрыться.

Но если говорить серьезно, то на данный момент мне было предпочтительнее соседство с его любовницей, чем с ним самим. Почему?

Во-первых, пора бы нам уже познакомиться. Точнее, мне. Врага нужно знать в лицо и желательно не по чужим воспоминаниям. Как бы там ни было, а Стейзи относилась к ней предвзято. Не в том плане, что Сарвенда была белая и пушистая, нет. Но вряд ли огорченная своим новым положением девочка обращала внимание на детали, такие, как манера речи, мимика. Опять же вряд ли она делала выводы из того, что видела. А мне требовалось узнать слабое место рыжей твари.

То, что она амбициозна, тщеславна и желает того, чего ей пока не достичь – разумелось само собой.

Во-вторых, сейчас Сарвенда не посмеет мне ничего сделать. Максимум позубоскалит да яду сцедит. И уж никто не помешает мне оказать ответную любезность. К тому же жаловаться местная звезда к любовнику не побежит ни прямо сейчас, ни когда у нас будет гостить провещающий короля.

А вот находишься я в карете с муженьком, мне бы пришлось притворяться ветошью. Послушной, угодливой и смилившейся. Оно мне надо?

Зато в храм с огоньком доеду и полезной информацией обзаведусь.

Так что бой я выдержала, напирая на то, что Илюша в поездке может испачкаться, да не один раз. Переодевать придется? Еще как! И кто это будет делать? Сарвенда?

А если покормить дитя понадобится? Расшнуровывать меня тоже «компаньонка» будет? И прическу поправлять? И ехать нам вовсе не десять минут, а полтора часа как минимум. И то я этот вывод из слов служанок сделала. Может, и все два-три трястись придется.

Аргументы показались всем железными, а потому в карете с довольно широкими лавками нас оказалось четверо, не считая Илюшу. Но тот спокойно дрых себе в плетеной корзине. Личные служанки Сарвенды оказались не у дел, на них просто не нашлось места, хотя рыжуха желала заменить Люси на одну из своих подпевал. Не вышло. А каким образом они доберутся до храма, меня не интересовало.

Наконец мы тронулись, и я смогла заняться тем, чем собиралась. А именно изучением «соперницы». Сарвенда имела очень яркую внешность, странно, что от нее только герцог голову потерял. И дело было не только в огненно-медном цвете волос, округлом лице, прямом, пусть и крупном носе и большом алом рте. Все это блекло на фоне глаз: больших, миндалевидных, зеленых. Их оттенок был таким насыщенным! Невероятно красивые глаза, завораживающие и манкие.

Чем-то они напомнили мне одну знакомую, у которой цвет глаз хоть и был не таким глубоким, да только взгляд... Вот смотрит мужчина в глаза собеседницы и понимает, что она тебя хочет. Вот прямо всего. И это желание – оно сильное, ярко выраженное...

Мужики на него падкие. Ничего просить не нужно, сами дадут.

Машка этим всегда пользовалась. И Сарвенда явно от нее недалеко ушла.

Если поставить нас рядом и сравнить, то я не могла сказать, что моя внешность проигрывает. Мы обе были очень красивы. Сарвенда – броской красотой хищницы, я – скорее нежностью, более плавными и мягкими чертами. Аристократка. Этим все было сказано.

Но Стейзи не хватало опытности, умения общаться взглядами, выразительности в мимике. Слишком юная, неискушенная, невинная. Она проигрывала только в этом. И не смогла бы увлечь мужа. Никак. После столь яркой бабочки на хрупкую статуэтку и смотреть не хочется.

Чем дольше я разглядывала женщину, тем больше понимала – неглупа. Далеко не глупа.

Платье, пусть и богатое, но относительно скромное. Отчасти в родовых цветах герцога с преобладанием синего, расшито крупными белыми цветами. А вот в качестве оранжевого выступает золото, которым женщина щедро обвешана. С ходу и не скажешь, что все подобрано с расчетом приобщиться к роду Дарремскому.

Если любовница рассчитывала увидеть забитую, испуганную супругу, она просчиталась. Собственно, именно то обстоятельство, что я наотрез отказалась ехать в сопровождении чужих слуг, выбило ее из привычного ритма. Скорее всего, у нее был определенный сценарий, которым она хотела воспользоваться во время поездки. Разве сложно уронить моральный дух того, кто и так сломлен? Но так как, увы, оказалась дамой далеко не глупой, предпочла временно помолчать и подумать над произошедшим. А заодно, конечно же, окинуть меня таким взглядом, будто я грязь под ее ногтями.

Возможно, таким образом она пыталась вызвать во мне чувство гнева, негодования, а может, и истерических ноток, однако дождалась только полуулыбки и полного безразличия.

Насмотревшись на красу неписаную, я уставилась в окно. Во-первых, мне действительно была интересна местность. Во-вторых, много чести этой мартовской кошке. Сама и в диалог втянет, и себя во всех ракурсах покажет.

Игнорирование – тот самый метод, который выводит из себя даже самое ангелоподобное создание. Не то что местную проститутку.

Мне нравилось то, что я видела за окном, к тому же я пыталась полностью абстрагироваться от далеко не ровных дорог. Укачивало знатно. Но к этому вполне можно было привыкнуть.

А видела я плодовые деревья. Правда, определить, что там за плоды со временем созреют, пока не могла. Деревья еще только отцветали. Но это было делом времени. Как и ремонт дорог...

На особо ухабистом месте нас знатно мотнуло. Так, что все невольно подскочили и тут же упали обратно на скамью, а я сильнее прижала корзину с Илюшей к своему боку.

Слава Богу, не проснулся.

– Ах! – простонала купеческая дочка и притянула ко рту руку.

Я на это только усмехнулась и снова отвернулась к окну.

Дамочка однозначно прикусила себе язык и, скорее всего, губу, и если надеялась увидеть сочувствие, то просчиталась.

– Платок подай, – приказала она Люси. – И воды.

– Н-но... где они? – выдохнула служанка. – Здесь только вещи герцогини и Его светлости.

Я снова усмехнулась и повернулась к любовнице мужа. Подобное она стерпеть точно не должна.

– Мерзавка, как смеешь?! – коброй прошипела она. – Выпорю на конюшне!

Выпорет она на конюшне... Карман шире держи. Своих служанок никому пороть не позволю! Ужом вывернусь, но не позволю.

– Люси, – позвала я девочку, которая явно собиралась рассыпаться в извинениях. – Не твоя вина, что служанки не побеспокоились о своей госпоже и не передали ее корзину с провизией. Но пожелание о порке нерадивых слуг я непременно передам Его светлости.

И улыбнулась Люси едва заметно, так, чтобы та поняла: ей ничего не угрожает, а вот личным служанкам Сарвенды... Даже не знаю... Учитывая, что мерзавка точно будет жаловаться моему супругу, а я подтверждаю ее слова, еще и добавлю, что пришлось урезать довольствие наследнику. Не бросать же несчастную в беде мучиться от жажды?

– Воды можешь подать, пеленки не трогать, – приказала я Люси, глядя исключительно на нее. – Нам они еще пригодятся.

И снова отвернулась к окну. Полностью игнорируя обращенный на меня взгляд.

От такого бы и солома вспыхнула, но я не сухая трава, а потому полыхать не стану.

Погоди, Сарвенда, я тебя за эти полтора часа так вымотаю, что сама не рада будешь нашему соседству.

– Ты о своем месте забыла? – вкрадчиво спросила Сарвенда.

Видимо, градус ее терпения значительно снизился. Что-то быстро. Похоже, дамочка совсем отвыкла от того, что перед ней не лебезят и не боятся ее.

Естественно, я на это никак не отреагировала, молча продолжила смотреть в окно. Еще не хватало считать себя мусором.

– Что Вы, госпожа, я хорошо знаю свое место, – выпалила Люси, определив вопрос рыжухи в свою сторону.

Я усмехнулась.

– Помолчи, девка. И двигайся быстрее, я пить хочу.

С каждым словом голос Сарвенды повышался, что меня абсолютно не устраивало, но пока я делала вид, что ничего такого не происходит. Если сейчас Илюша взвояет сиреной, я любовнице еще и мигрень обеспечу.

– Стейзи, ты как смеешь меня игнорировать?

Я отвернулась от окна, напрочь проигнорировав выпад рыжеволосой стервы, а вот спящему пока сыну уделила все внимание. Он ворочаться начал, судя по всему, пора было менять пеленки. И не ошиблась.

– Интена, подай сухие пеленки и воды. Его светлости поменять нужно.

– Ты!

Я проследила за тем, как Люси, подав чашку с водой нахалке, тут же метнулась к Интене, чтобы намочить пеленку для обтирания малыша. И только потом, глядя в зеленые, сощуренные от злости глаза, ответила Сарвенде:

– Самое время занять свой рот более полезным делом.

И вернулась к сыну.

Не обладай Сарвенда умом, непременно бы сорвалась. Чашкой бы там кинула. Но, к моему великому сожалению, женщина взяла себя в руки. И тому было несколько причин. Первая – мы не в замке, чтобы закатить полновесную истерику и выставить меня тварью, посмевшей обидеть любимую пи... лисичку герцога. Вторая – едем в храм. А там уже и третья – проверяющий от короля.

Поэтому, как бы эта мерзавка ни желала на мне отыграться, ей хватило мозгов понять, что в данный момент она выставит себя только с худшей стороны, и герцог при госте за нее не заступится.

Да, я буквально кожей чувствовала ее взгляд, направленный на меня. Да, я понимала, что у нее происходит разрыв шаблона. Не привыкла она ни к такой Стейзи, ни к такой отповеди. Казалось бы, придаться было не к чему, а все равно мои слова прозвучали неприятно.

Нет, Сарвенда в данном конкретном случае поступила мудро. Она промолчала. И продолжала хранить молчание до тех пор, пока сын заново не был укачан и уложен в корзинку.

Однако выдержки ей все же не хватило. Вместо того, чтобы продолжить поездку в тишине (относительной, все же ребенок в любой момент мог открыть глаза и сделать всем «музыку» для ушей), рыжая решила ужалить. На ее взгляд, самым больным – моим будущим.

– Вижу, ты плохо понимаешь, что тебя ждет, – ровным тоном заявила она. – Кормилица при сыне, потом монашка...

– Вы, – поправила ее, продолжая смотреть в окно, ответила ей. – Очень жаль, что в таком молодом возрасте ты обладаешь столь плачевной памятью. Сказывается образ жизни... потасканный.

– Ты...

Я вздохнула и, оторвавшись от созерцания благоухающей зелени, посмотрела прямо в глаза зарвавшейся девице.

– Я могу быть трижды нелюбимой женой, но остаюсь герцогиней. Не только в замужестве, но и по праву рождения.

Да, род Стейзи был обедневшим. Отчасти из-за вырождения, отчасти из-за войн, что случались в королевстве. Но он был древним, и предки Стейзи обладали именно герцогским титулом. Безземельные герцоги... Красота!

Не удивлюсь, если дядька Стейзи рассчитывал с поддержкой герцога Дарремского выпросить этот титул себе и своим отпрыскам, коих у него оказалось аж семеро. Пять девчонок и два сына. Правда, рассчитывать ему было не на что, второй ребенок Стейзи получил бы этот титул. Первый сын – титул герцога Дарремского, второй – герцога Моррисон. Хотя с таким отношением к жене о втором ребенке речи идти не могло.

– И девке, рожденной чуть ли не в канаве и годной только на то, чтобы греть постель мужчинам, никогда не встать вровень с древней кровью, – я видела, как исказилось злобой лицо Сарвенды, но закончила так же жестко: – Помни свое место.

Да, я вернула ей ее же слова. Именно это и было слабым местом мерзавки – ее худородное происхождение. Потому она и надевает столько цацек, потому и пытается укусить тем, чего сама не имеет. Выставляется, старается унизить даже тех, кто выше по положению. А тех, кто ниже, и вовсе за людей не считает. Ничего, своей же пилюли отведает, полной горстью!

– Но в моей постели греется Его сиятельство!

Нашла, чем гордиться...

Я только брови сдвинула, мол, и что? Продолжай... Так интересно, что я аж раззевалась, аккуратно прикрыв платочком рот. У меня-то, в отличие от нее, он был.

– Может, и так, да только я свои дни не за стенами монастыря кончу! – выплюнула она, чем меня позабавила.

Я вполне искренне улыбнулась.

Конечно, нет. Какой ей монастырь? Слишком жирно будет. И милосердно. Отработает все до последней копейки. Не только за средства, что герцог потратил на нее, но и за каждую нервную клетку, что она уничтожила у несчастной Стейзи.

А уж за ее смерть – втройне.

Фантазией меня Бог не обделил, уж я непременно придумаю и род занятий, и чтоб слишком быстро ноги не протянула. А на это у меня целый год впереди.

– На все воля Священной Пары, – продолжая улыбаться, заметила я. – Я верю, что уж они тебя непременно наградят за все заслуги. Со всей возможной щедростью.

– Да, наградят! – выпалила она и осеклась. – Ты...

Я ничего не сказала, но посмотрела так, как на своих вороватых компаньонов, которые однажды повадились поставлять мне вместо годной древесины гнилуху. А взгляд у меня с детства тяжелым был. Не всякий мужик выдержит.

– Вы... – неосознанно исправилась она и, заметив свою оплошность, добавила: – Вы будете наказаны Его милостью!

Глава пятая

К храму Священной Пары подъезжали медленно из-за огромного потока людей. Нет, они не мешали каретам, не пытались устроить какую-то провокацию, как я подумала в первый момент. И чего уж там, испугалась.

Долго ли перевернуть карету и растоптать тех, кто в ней находится? Ой ли...

Но миряне ликовали и радовались. Они шли сюда сегодня поздравлять своего герцога и, конечно же, хоть одним глазком поглядеть на будущего герцога.

Если поначалу я еще выглядывала в окно, разглядывая людей (меня интересовало, хорошо или плохо они живут, ведь это так или иначе отразилось бы на внешнем виде), то спустя минут двадцать скрылась за шторами. Что сказать... Я была под впечатлением.

– Герцогинюшке долгих лет жизни! – в которой раз грянуло на улице.

Сарвенду перевернуло. А Илюша на этот раз даже не пикнул, пригравшись на моих руках. Какое там... Если в самые первые разы таких вот выступлений крикунов он нам дал жару (пришлось кормить и успокаивать), то сейчас только посапывал и улыбался во сне.

Счастье мое сладенькое...

– Наследнику здоровья и милости Священной Пары!

К слову, самому герцогу долгих лет жизни и милости богов желали не так часто. Что мне, несомненно, было только на руку. Общественное мнение – такая интересная штука. А если еще и правильно отрекламироваться...

Сейчас герцогиня воспринималась и как священный дар, что прибыл в герцогство, принося с собой желанные дожди, и как мученица. Что знают слуги – то знают все. Поэтому я была больше чем уверена, что о войне между супругами знали многие. Может, не все подробности, но о том, что герцог жену не любил – точно.

В нужный момент симпатии этих людей я разверну по тому руслу, которое будет удобно мне.

– Благодати и долгих лет герцогинюшке!

Я наслаждалась представлением. Нет, не тем, что творилось на улице. Я глядела на Сарвенду: потную, покрасневшую, покрывшуюся красными пятнами от злости. Она так смешно вспыхивала каждый раз, когда люди выкрикивали мой титул, что мне разве только хлеба не хватало. Зрелище имелось.

Но как бы там ни было, а до храма оставался не такой большой отрезок дороги (при таком столпотворении – еще минут на пятнадцать), а посему...

– Интена, возьми Его светлость, – я передала няне ребенка и посмотрела на Люси: – Доставай.

Та, естественно, меня поняла. Ибо еще до отъезда мы обо всем переговорили.

Я не собиралась идти в храм, не освежившись. А для этого Люси ловко расшнуровала мне платье (благо корсет на мне – одно название, утягивать разве что кости), помогла его спустить до талии и, споро намочив полотенца, обтерла руки, шею, лицо.

Косметики на мне никакой не было. Честно говоря, я не рискнула пользоваться местными косметическими средствами. Кто его знает, может, тут в ходу свинцовые пудры? Стейзи, впрочем, тоже никогда ничем не пользовалась. Ее максимум – это угольком чуть брови подрисовать, да щеки пощипать, чтобы румянец появился. Не по карману девочке были такие игрушки, не по карману. А когда стала герцогиней, ей и не перед кем красоваться было. Девочка была уверена, что ей ничего уже не поможет: и ликом она не вышла, и фигурой. Дурочка...

Какими глазами на меня смотрела лисичка, не передать словами. Конечно, ей было завидно, конечно, я не сомневалась, что она потребует той же процедуры. Я даже пальцы скрестила, надеясь, что потребует, и мои ожидания сбудутся.

Богам молись, но и сама действовать не забывай. А мне присутствие любовницы мужа на ритуале совершенно точно было ни к чему.

Поэтому если все пойдет так, как я задумала, то в Храм на ритуал Сарвенда совершенно точно опоздает. У нее-то не мое перешитое платье, в котором корсет утягивать не надо, да и слоев одежды на мне гораздо меньше. Сорочку я и вовсе не поддела. Зачем столько сложностей, учитывая кормление ребенка? К тому же карету все время потряхивало, пусть и ползла она по дороге медленно.

Да, мы с Люси немного тренировались, а потому справились куда быстрее, чем я рассчитывала. До храма явно еще минут пять-семь оставалось. И когда Люси закончила приводить меня в порядок, я мысленно себе поаплодировала. План по нейтрализации «свиты» оказался успешным.

– Эй, ты, и мне помоги! Оботри!

Я усмехнулась и подтвердила приказ.

– Люси, приступай.

Конечно же, к моменту, когда карета остановилась у входа в храм, Сарвенда не была готова. Какое там! С нее только и успели снять корсет. Чего совершенно точно делать не стоило. Но ярость, ревность и злость обычно худшие попутчики для разума. И сыграли с ней дурную шутку.

Понимание того, что она допустила ошибку, накрыло рыжуху с головой. Я продолжала наблюдать за эмоциями на ее лице, совершенно не стесняясь и не боясь.

– Затягивай обратно! – рявкнула она Люси.

– Но как же... – растерялась раскрасневшаяся девочка. – А обтереться?

– Смеешь перечить?!

Я усмехнулась и поймала взгляд няньки, которая тут же опустила глаза. Понимала ли я, что в какой-то мере подставляла Люси? Конечно. Как и то, что все равно не позволю девочку наказать и позже компенсирую ей огорчение и неудобство от нрава купеческой дочки.

Да, мое положение шатко, но муж у меня, однако, что тот телок на веревочке...

Я всегда доверяла своей интуиции. И сейчас у меня появилось чувство уверенности в том, что власть Сарвенды надо мной стремительно достигла отметки «ноль».

Уж не знаю, что там произойдет дальше, какими окажутся местные боги, но раз они подарили мне второй шанс на жизнь и дали возможность отомстить за смерть Стейзи, значит, я им нужна живой и здоровой. А значит, меня должны ждать приятные бонусы от них.

Понятно, что просыпающийся дар уже сам по себе награда. Но может, они подскажут, как им пользоваться? В качестве защиты, к примеру? Да и связь с Илюшей... В такой форме она мне совершенно точно не нужна.

Дверца кареты отворилась, впуская солнечный свет. К полудню прибыли, как и планировалось. Солнце было в зените.

Я поднялась, увидев герцога с фальшивой улыбкой на губах. Ну да, для всех у нас все просто отлично, и герцог рад видеть супругу. Прямо безумно!

– Жена моя, – подавая мне руку, произнес он.

– Муж мой, – вернула ему улыбку и чуть сощурилась от яркого солнца.

Я запретила себе думать о том, что вокруг толпа. Понятно, что здесь и охрана, которая не подпускает людей так близко, как многим бы хотелось. Но чувство того, что я на манеже и являюсь гвоздем программы, не покидало.

Мне не нужно было смотреть, чтобы знать, что все взгляды направлены на меня, что каждый жадно ловит любой мой жест, что всем прямо необходимо рассмотреть мой облик до мельчайших подробностей.

Учитывая, что у них мало иных развлечений (тут явно не было телевизоров, а об интернете и заикаться не стоило), приезд нашей семьи стал для этих людей просто невероятным событием.

Я выпрямилась, коршуном проследив за тем, как корзину с наследником передали герцогу, и только тогда окинула взглядом толпу, подарив той добрую улыбку.

– Герцогинюшка! – взорвалась толпа.

И, конечно же, ребенок расплакался.

Тут же был выужен из корзинки отцом, который неуклюже попытался его успокоить. Я вмешалась, но мягко, не забирая наследника из рук герцога, а став поближе и уложив руку на пеленку и тихонечко напев мелодию, которой обычно убаюкивала сына.

Пусть люди видят, что герцог и герцогиня действуют заодно. Пускай. Так нужно.

– Где Сарвенда? – едва слышно спросил муж.

– Одевается, – ответила ему.

Скрывать то, что происходило в карете, даже не думала.

– Она пожелала освежиться, обтершись мокрыми полотенцами, но не рассчитала время.

– Что?

К чести герцога орать он не стал. Тем более что Илья мало-помалу затих, и эмоциональный спич отца мог стать катализатором для новой волны негодования ребенка.

– Таково было ее желание.

– Нас ожидают в храме, – муж недовольно поджал губы. – Более нарушать протокол – выказывать свое неуважение.

«Ты ж моя лапочка!» – мысленно я широко улыбнулась, понимая, к чему все идет, внешне же ни единый мускул не дрогнул.

– Ты и ты, – обернувшись к служанкам Сарвенды, которые как раз только подбежали к нам, приказал герцог: – Помогите своей госпоже, нагоните позже. Идемте.

Последнее уже нам, в частности, мне.

Ребенка мне герцог так и не отдал. Но я не возмущалась. И, продолжая улыбаться собравшемуся вокруг народу, засемила за мужем, не забывая поглядывать по сторонам.

Меня интересовал храм и огромные колонны у его входа. Что-то вроде тех, что обычно украшают здания домов культуры, театров и иже с ними. Правда, чуть менее масштабно. Хотя, несомненно, роскошно. Я бы не удивилась, увидев вместо белоснежного здания с крышей всех цветов радуги жалкую лачугу. Но, видимо, на религии здесь экономить было не принято. Либо так шикарно выглядел только главный храм на землях герцога.

Благодаря памяти Стейзи я знала, что колонны стоят не просто как украшение. Во время проведения ритуалов они являются индикаторами волеизъявления богов. Если все проходит правильно, и Священная Пара одобряет происходящее, то по колоннам бегут разноцветные блики. Но это – единственное чудо, оставшееся в мире. Более явного магического проявления это королевство и, полагаю, весь мир давно не видели. Раз дары тут утраченные. Ну или где-то есть уникамы, которые служат на благо короны и не афишируют свои умения.

Мы остановились у входа. Широкие и высокие расписные двери медленно начали открываться. И пусть я понимала, что там нас действительно ждут, потому что именно родители с ребенком должны были последними войти в храм во время ритуала имянаречения (причем никакого сопровождения в лице служителей храма не предусмотрено), но меня охватило чувство, что там нас ждет пустой и гулкий зал, как в пещерах. Правда, оно тут же исчезло, и его место заняли злость и ярость. Лютая, на одного барана, у которого ничего святого не осталось. И души, кажется, тоже не осталось. Лишь одна мерзопакостная оболочка, потакающая своим порокам.

– После ритуала ты во всеуслышание объявишь о своем обете, – прошептал мне на ухо муж. – Через ход покинешь герцогство. Ты поняла меня, Стейзи?

Поняла ли я? Еще как! А вот приняла ли? Ни за что!

– Стейзи?

– Да, муж мой.

И пусть думает, что хочет, однако такому признанию сейчас не бывать. Костями лягу, но не допущу подобного исхода.

Двери не успели полностью распахнуться, как нас нагнала делегация. Первой прибежала Люси, которая что-то пискнула, низко опустив голову, и встала подле Интены, а заодно и позади меня.

Брови муженька поползли вверх, но ничего сказать он не успел, потому что за служанкой взмыленной кобылой с перекошенным ртом, красным от бега лицом и потрепанной прической к нам присоединилась Сарвенда. Она чуть не споткнулась о свои юбки, но смогла удержать равновесие.

Успела-таки, жучка рыжая. Но вид имела... Я ухмыльнулась, позволяя герцогу полюбоваться своей зазновой. Хотя мысль о том, что это вроде как моя свита, а значит, и мое «лицо», меня бесила.

За ней гуськом следовали ее служанки, у одной из них на лице четко отпечаталась ладонь.

М-да...

Нет, со своим уставом в чужой монастырь не лезут, но я лично не могу найти оправдание лишней жестокости. Да, эти люди подвластны системе, в которой родились, выросли и живут. Они принадлежат герцогу со всеми потрохами. Но зачем бить собаку, которая и так лижет тебе пятки?

Скосив глаза, посмотрела на Люси. Если эта рыжая коза и ее ударила, я найду, как расквитаться. Это мои люди, и наказывать их, если будет, за что, я стану сама.

К моему облегчению (чего уж лукавить, я сама служанку в пасть дракону сунула, знала, как может случиться, оттого и переживала) Люси не выглядела побитой. Уставшей, расстроенной – да, но не побитой. Вернемся в замок, подарю ей что-нибудь из набора по рукоделию, ниток хороших, пусть вышьет себе платье. Хоть немного порадуя. Моя б воля – монетку бы подкинула, знаю же, что копит ребенок себе на приданое.

Ничего, по службе и награда будет. А я найду способ. Обязательно найду.

Двери наконец распахнулись полностью, и герцог, поудобнее перехватив сына и зыркнув на меня волком, шагнул в храм. Я, конечно же, за ним.

Что сказать, я любила такие места. Еще по той своей жизни. Просторные, светлые, отнюдь не затхлые, как можно было бы подумать из-за малого количества окон (так, во всяком случае, казалось при входе). Их функцию выполнял полностью стеклянный и, надо полагать, с естественной вентиляцией потолок. Это с улицы чудилось, что крыша выложена разноцветной черепицей, а по факту это было стекло.

И вот вопрос: если они такие стекла мастерят разноцветные и явно же толстые и прочные, почему зеркала у них мутные? Или вот это все – результат магии?

Да, я, не стесняясь, рассматривала храм, пока мы медленно и величественно шли к алтарю, у которого собралась пышная разряженная толпа. Зал оказался не просто большим, а огромным, но по нему, несмотря на мои предположения, не гулял шаловливый ветер. Не было ни жарко, ни холодно. Я бы сказала – оптимально.

Снова переведя внимание на людей, пробежалась взглядом по каждому. Особенно по паре, что стояла в самом центре, очень близко к алтарю. С интересом рассмотрела их наряды. На первый взгляд они выглядели простыми, однако плотное сукно было щедро расшито разноцветными нитями. Жрец и жрица.

За спинами гостей стояли люди почти в таких же нарядах, разве только не настолько ярких и добротных.

Я пыталась понять, кто из гостей является тем самым представителем короля. Все они – и мужчины, и женщины – выглядели презентабельно, дорого... И было их больше, чем я себе представляла. Человек тридцать. Почти татарский набег на замок будет, ведь со всеми ними прибыла и их прислуга, которая явно дожидалась на улице.

Были здесь и люди в летах, и молодые. Вторых я отмела сразу же. Король не идиот. Уж не знаю отчего, но мне хотелось думать именно так.

А потому я сфокусировалась на одном мужчине. Если честно, даже не сама сфокусировалась, первый мой «пробег» взглядом, только мазнул по нему и заскользил дальше. Разумом я его отмела как несущественного свидетеля. Он стоял пусть и ближе к алтарю, но при этом чуть в сторонке, и смотрел спокойным, совсем не цепким взглядом. Одет был роскошно, но не вычурно. Камзол из добротной ткани, сапоги опять же. Но на фоне других мужчин в летах его наряд казался куда как скромным. А я была уверена, что назначенный соглядатаем должен быть или выше по положению, или вровень. То бишь или герцогом, или аргерцогом⁵. А еще выше, простите, лишь сам король.

Однако интуиция меня заставила вновь вернуться к этому немолодому мужчине, вернуться и присмотреться куда серьезнее. Мог ли он быть королевским доверенным лицом? На этот счет у интуиции был однозначный ответ – он и есть. И я доверилась своему чутью, раз мозги сплеховали.

Увы, большинство из стоящих и приветствующих чету Дарремскую, Стейзи были неизвестны. Разве только одна молодая леди показалась смутно знакомой. Но акцентироваться на этом я не успела, наше шествие кончилось. Мы остановились у алтаря.

– Передайте дитя матери, – обратился к герцогу жрец.

Стейзи еще ни разу не принимала участия в ритуале именованья, знала только, что все происходит в храме, но весь протокол ей был знаком смутно. А посему я держала покерфейс и делала вид, что все идет правильно.

Подумаешь, жрец не выказал титулу муженька положенного уважения. Ерунда какая! Жрецам и жрицам сама Священная Пара благоволит. Так и надо. Подумаешь, ребенка мне передать следует. Ну так я его мать, чего удивляться?... В общем, я стояла невозмутимой скалой, в то время как мой муж едва эмаль на своих зубах не стер. Лицо у него было страшным. Такое во сне привидится – заорешь.

Я старалась выглядеть спокойной, делая вид, что не слышу легкого шепота гостей за спиной. То, что все идет несколько не так, как должно, я уже поняла, но это не значило, что подобное могло меня смутить.

Понуднее перехватив Илюшку, я улыбнулась ему и только тогда перевела взгляд на жреца и жрицу.

– Ваша светлость, – жрица сделала шаг вперед и посмотрела мне за спину. – Приступайте к проверке крови, а мы поможем.

И тут-то морщины на лице мужа разгладились. Мне даже мысли его читать не потребовалось, чтобы понять, о чем эта скотина думает. Наверняка его подкосило то, как люди чествовали герцогиню. Ему показалось, что здесь ей куда больше чести выказывают, чем ему. А все оказалось намного проще: вдруг я нагуляла ребенка от кого другого? С чего бы тогда герцогу его держать? Пусть мать держит и дитя, и ответ перед великими гостями.

А по мне – тут, скорее, к нему доверия было меньше. Поэтому и хотят проверить, действительно ли я мать наследника. Зная об увлечении герцога одной рыжей заразой, и такой вариант исключать не стоило.

⁵ аргерцог – аналог земному эрцгерцогу

Внешне я продолжала стоять с легкой улыбкой на губах, а внутри меня словно тетива натянулась, когда к алтарю вышел тот самый мужчина, на которого сделала ставку моя интуиция. И не прогадала ведь!

В руках его оказалась резная шкатулка, которую он передал жрецу.

Тот откинул крышку и забормотал себе что-то под нос (слов совершенно не разобрать было). Потом вытащил предмет, отдаленно напоминавший веретено. Разница была в размерах и в исходном материале. Яркий артефакт с тонкими иглами на двух концах.

Я уже поняла, что сочетание всех цветов радуги – это прерогатива Священной Пары. То есть все, что было раскрашено этой яркой палитрой цветов, относилось к богам. Крыша храма, артефакт этот...

Сама удивилась тому, насколько легко приняла новую реальность с магией. Хотя, конечно, было любопытно узнать, каким образом без изучения крови в лаборатории они определяют наше родство?

Одно было странно: игл две, а объектов для забора крови – трое: я, герцог и наш сын. Кого в итоге колоть будут? Если всех, то в какой очередности? Мало ли чем там этот придурок болеет? Не хотелось бы, чтобы какая-нибудь гадость сыну передалась.

– Откройте ручку ребенка, – мягко попросила меня жрица, оказавшаяся вдруг совсем близко.

Я выдохнула. Значит, Илюша первый. Одно плохо – моя связь с сыном... То есть вот все сейчас это увидят?!

Твою ж налево да через ногу! Так, Настька, держи лицо!

Уложила маленького себе на руку и аккуратно высвободила ручку сына из пеленки. Коршуном проследила за тем, как под бормотание жреца жрица передала веретено королевскому поверенному, и тот быстро и ловко уколол ручку чуть выше запястья. Правильно, там того пальчика с гулькин нос...

Я и моргнуть не успела, как он, проделав свое черное дело с сыном, ловко ухватил меня за запястье и ткнул другой стороной веретена прямо в ладонь.

И вот тут-то Илья зашелся криком... Если укол по его ручке только разбудил ребенка, то, видимо, откат от моего укола ударил по нему по полной. Хотя не скажу, что было больно. Так, комарик куснул.

– Тшш, мой хороший, все закончилось, – я прижала сына к себе, с ужасом глядя на толстую зеленую нить, которая ярким лучом пробивалась от меня к Илюше.

С ужасом, потому что поняла то, чего понимать не хотела. Эту нить видел королевский проверяющий. Я готова была поклясться собственной жизнью – он видел!

И, кажется, видели служители храма... Но молчали как партизаны.

Жрица забрала веретено из рук мужчины, который продолжал смотреть на меня, и, встряхнув его (как следует), вылила содержимое прямо на алтарь.

Настька, а ну-ка, собралась! Ну увидел столичный гость, и что? Зато ему уже результат проверки не нужен. Ребенок – мой! И да, мы осенены милостью Священной Пары. Авось на чаше королевских весов это будет в нашу пользу.

А на алтаре происходило священнодействие. Капли крови, упавшие с веретена, подняли такой яркий столп из разноцветных искр, что я невольно зажмурилась.

– Родство подтверждено! – глухим, но приятным голосом возвестил королевский проверяющий и вновь получил в свою руку веретено, чтобы опять уколоть пальчик моего сына.

Я не сопротивлялась, хотя ребенок только начал успокаиваться, когда ему снова сделали больно.

За тем, как колют герцога (лучше бы другое место ему укололи! Глаза там...), я наблюдать не стала. Меня волновал лишь разбушевавшийся сын. И его негодование я полностью разделяла. Засунули бы свою проверку в одно место, гады!

– Родство подтверждено!

– Милостива Священная Пара! – стройным хором выдали гости, а герцог попытался забрать у меня ребенка.

– Дитя должно остаться при матери, – жестко отбрил потуги герцога жрец.

Выкуси, козел!

А почему я не должна радоваться этому факту? Да, мне чертовски приятно, что, несмотря на мой отвратительный и откровенно болезненный вид, жрец решил, что я – самый надежный из родителей. Так и есть! И будет! Всегда!

Я своего ребенка на юбку (да и на брюки!) не променяю. Ни за какие коврижки!

Пока гости перешептывались, делясь впечатлениями (ну не моя вина, что все шло не так, как принято, а как принято, мне и вовсе было не известно), я ощущала взгляд Его светлости и того, все еще не названного проверяющего от короля, который вернулся на свое место, забрав с собой шкатулку. Видимо, эта игрушка прибыла от самого Его величества, и ее надлежало вернуть.

Честное слово, он своим взглядом во мне дырку протрет!

Я не сразу включилась в новое священнодействие. Как-то мимо меня прошло и начало песни (тихой, смею заверить), и то, как заискрились разноцветными всполохами руки жреца и жрицы. Я чувала, прям вот пятой точкой чувала, что мне вот в эти рученьки следует передать ребенка. Правда, интуиция подсказывала, что момент еще не настал.

Вообще, если отбросить тот факт, что зрелище было и потрясающим, и пугающим одновременно, мое шестое чувство шептало, что страшного ни со мной, ни с сыном не случится. А потому я попыталась расслабиться.

Понятно, что где-то на периферии маячил вопрос с липовым обетом, о котором я должна объявить на крыльце, но до того момента было еще далеко. И я надеялась выкрутиться. Ну там обморок, поплохело от духоты (неправда чистая, но что делать?) или от того, что я сама по себе еще не выздоровела... Но этого обета герцог от меня не добьется!

Я сама ощутила нужный момент передачи ребенка и шагнула вперед даже раньше, чем меня позвала жрица. Увидев, что я готова передать сына, женщина мне улыбнулась.

Ну, местные боги, не подведите! Очень хочется имя и красивое, и звучное, и желательно хоть немного похожее на то, которое я дала сама.

Я переживала, что ребенок, оторванный от рук матери, взвоят сиреной – все же уснуть после экзекуции с веретеном у него не вышло. Однако переживала напрасно.

Пусть он был совсем маленьким и вряд ли чего понимал и видел, но, наверное, эта самая магия показалась ему на уровне ощущений чем-то добрым и спокойным, раз ребенок не попытался высказать свое возмущение доступным способом – криком.

Но к тому, что сына на алтарь уложат, стянув с него пеленку, я оказалась не готова. Совсем. И мое тело действовало отдельно от разума. Я кинулась к алтарю, желая забрать Илюшу, но была остановлена жесткой рукой герцога.

– Ты что творишь, ненормальная?

«Сам такой!» – огрызнулась я, но мысленно. Спасибо, на это ума хватило.

Мне пришлось притормозить и спросить на едином выдохе:

– Камень холодный! А если заболит?

– Это храм, идиотка!.. – вцепившись стальной хваткой, прошипел муж, но так, что если его кто и слышал, то максимум жрица.

Ответить ему я не то что не успела... У меня все слова в горле застряли от того, что произошло дальше. Волосы на голове натурально дыбом встали, когда мой ребенок вдруг взмыл над алтарем. Прямо в воздух. Медленно так поднялся, гонимый неведомой силой, и застыл в горизонтальном положении.

Меня оторопь взяла. А что, если дите шею свернет?!

Все это длилось максимум минуту, но мне и ее хватило. А затем ребенок так же плавно опустился обратно на алтарь. Жрица аккуратно завернула Илью в пеленку и только после этого передала в мои руки, проигнорировав грабли герцога.

– Сынок... – выдохнула я, прижимая мальчишку к себе.

Что за отвратительные традиции?!

– Благословение Священной Пары! – прошелестел восхищенный шепот за спиной. – Боги благословили дитя!

Судя по всему, опять не по протоколу все пошло, а и черт с ним. Имя-то скажут?!

Жрец и жрица взяли за руки и склонились над алтарем, словно читали что-то...

Неужели там реально буквы проявляются?

Ответ я получила, считай, моментально.

– Илиас Радан Дарремский! – хором объявили жрец и жрица и, отойдя от алтаря, обратились к свидетелям ритуала: – Засвидетельствуйте!

Нам с герцогом пришлось посторониться, но даже с того положения я разглядела яркие буквы прямо на камне... Ничего себе!

Собственно, второе имя дается по имени отца. И только сыну. Дочерям двойное имя не светит. Им вообще этот ритуал не светит. Зато им выбирают длинное имя. Аристократкам, во всяком случае. Судьба девочки-первенца неоднозначна. Если до достижения ею десяти лет ее мать не родит мальчика, она будет считаться наследницей, и для нее проведут ритуал наречения родителей. Если же в этот период у девочки появится брат, то крестные ей не положены, и наследницей она считаться уже не будет. Просто первенец.

Вот такая дискриминация. Вот почему у Стейзи не было такой замены умершим родителям. Просто не успели. Десять лет еще не прошло, срок, считай, не вышел, а потом уже поздно было. Родные мать и отец обязаны присутствовать на таком ритуале.

И не успела я выдохнуть, а заодно порадоваться тому, что первое имя недалеко ушло от того, которым я наградила сына, как мне подложили свинью. Большую такую.

– Священная Пара дает позволение на выбор нареченных родителей!

Да чтоб та пара с облаков свалилась!

Глава шестая

Пока я принимала новую реальность (а поди не прими!), герцог приосанился, плечи выпрямил и с таким довольством посмотрел куда-то за мою спину, что если бы не Илья в моих руках, я бы все же не сдержалась и треснула муженька по наглой морде. Это ж насколько нужно быть идиотом, чтобы вот так плыть от своей лисички? Неужели у него совсем мозги не работают?

Так, вдох-выдох, Настька, это не ты, это бушуют гормоны тела, а ты разумная, и рукоприкладством, да еще публичным, заниматься не станешь.

Думай, девочка, как из этой ямы выбираться!

– Ваше сиятельство, – обратился к лучшему доводу мужу жрец. – Если среди присутствующих есть те, кого Вы бы хотели видеть нареченными родителями, то время делать выбор!

Ага, то есть если никого из подходящих в храме не оказалось бы, то ритуал провели бы позже – как полагается, через полтора хода?

– Есть! – радостно объявил «дятел» и щелкнул клювом.

Ладно-ладно, клюва нет, но и мозгов тоже! Так долбиться в одну дыру, что света белого не видеть!

Жрец внимательно посмотрел на меня. Я молчала.

Что я должна сказать? Открыто возразить? А потом меня отскребать от стен замка будут? А заодно и моего сына хоронить, который со мной связан? Нет уж, выход обязательно найдется, но другой!

– Пройдите сюда, – попросила жрица и протянула руки к моему ребенку.

Может, я и вцепилась бы в него, однако поняла, что это тоже какая-то часть ритуала. А еще заметила одно неприглядное обстоятельство... Гости, прибывшие на имянаречение, не все, но многие, заволновались, а некоторые даже шагок назад сделали, что красноречиво говорило о том, что роль нареченного родителя привлекала не всех, но... Похоже, отказаться они не имели права!

Я вглядывалась в лица тех, кто не шелохнулся и продолжал стоять невозмутимо. Среди них, конечно же, был королевский проверяющий, который чуть заметно усмехался. Сразу было видно – умный мужик, отлично понимал, что в подобной ситуации именно он первым и получит предложение, от которого отказаться не выйдет. Но интуиция подсказывала, что не будь у нас с сыном дара, то и местных крестин сейчас бы не случилось. И это тоже было просчитано! А значит, мужчина был готов к этому и явно не был против.

Не против, потому что поймал мой взгляд и улыбнулся. Не широко и открыто, а краешком рта, но благожелательно и, кажется, подбадривающе.

Мне даже на миг почудилось, что на меня свекор посмотрел из той, прошлой, земной жизни. И пусть внешне они были непохожи, однако вот эта улыбка и взгляд... Аж до мурашек пробрало.

И помогло взять себя в руки. Я отвернулась от королевского посланца и заскользила взглядом по женщинам. Конечно же, любовница мужа сияла начищенным пятаком. Стояла, горделиво задрав подбородок и выставив грудь.

И вот эту – в нареченную мать? Нет, думать о том, что со мной что-то случится, не хочется. А если да? А если и с герцогом – да? И королевский посланник тоже немолод, навскидку раза в полтора старше мужа... Кому ребенка доверить? Вот этому рыжему у... чудовищу?

Нет уж... Вдох-выдох. Смотри по сторонам, ищи подходящую кандидатуру...

И чего переполошилась? Ведь изначально знала, что не позволю Сарвенде стать нареченной матерью.

Я вглядывалась в лица женщин и отметала одну за другой. Не нравились... Кто-то слишком стар, кто-то слишком молод, а кто-то просто вызывал внутренний протест. Раз за разом я возвращалась к той, которую смутно помнила Стейзи.

Ну же, память, не подведи! Откуда Стейзи ее знает? Когда они общались?

И почему все не происходит по щелчку пальцев, когда так необходимо?

Увы, времени на то, чтобы выудить информацию из памяти тела, мне не хватило. Только головной болью обзавелась.

– Объяви же, отец, отца, которому доверишь жизнь сына, наследника Дарремского! – потребовал жрец от герцога. – Объяви и отдай перст!

Кого?!

Он со своим пальцем или с кольцом расставаться будет?

Но я ошиблась, ничего своего отдавать недомуж не планировал. Ему преподнесли на атласной подушке толстую палочку, которая, видимо, и была перстом. И вот уже с ней герцог направился к расслабленно стоящему королевскому посланнику.

Я думала, он просто его отдаст, однако нет. Мужчина вышел навстречу герцогу, даже прошел к алтарю, а затем муж по его лбу провел той самой палочкой и только после этого отдал перст ему в руки.

И что бы это значило?

– Я, архерцог Амадео Алесан Аригальерский, принимаю перст и называю себя нареченным отцом Илиаса Радана Дарремского.

И тут жрица передала ему Илюшу. Почему-то тому факту, что над обоими рассыпался сноп разноцветных искр, я, в отличие от гостей, не удивилась. Но заметила то, что другие видеть не могли. А именно – толстую нить, тянущуюся прямо от сердца мужчины к затылку моего сына. Ярко-медная нить коснулась родничка и пропала.

А это что означает?!

Конечно, ответов я не получила, однако и вопить во все горло, что вижу куда больше остальных, тоже не стала. Будет день, будет пища. Иными словами, я еще улучу момент для расспросов.

– Объяви же, матушка, мать, которой доверишь жизнь сына, наследника Дарремского! – потребовала жрица от меня. – Объяви и отдай кольцо!

Как интересно устроено: перст символизирует мужское начало, кольцо – женское. Вполне логично!

– Ты знаешь, что делать, – бросил мне в спину муж, и я усилием воли удержала на губах легкую улыбку.

О, да! Я-то знаю! А вот ты?

Как только я забрала с атласной подушки кольцо, которое на самом-то деле было размером с браслет, Сарвенда, расправив плечи, шагнула вперед.

Она реально думала, что я не послушаюсь мужа? Нет, вот серьезно? После всего, что пережила со мной в карете?

Просто непомерное самомнение и вера в себя, и в моего мужа.

Облезут, оба!

Тем более, я заметила то, что вряд ли увидел муженек: девушка, показавшаяся Стейзи знакомой, тоже сделала крохотный шаг вперед. Словно и согласна была, и вместе с тем сомневалась. Уж не знаю, какие их с носительницей связывали узы, воспоминания или, может, какая тайна, но это сомнение явно относилось именно к моему выбору. Сама незнакомка точно хотела стать нареченной матерью моего ребенка.

Что ж, Анастасия, ты же всегда следовала своему чутью, вот и здесь не оплошай.

Я прошла мимо Сарвенды и остановилась напротив незнакомки, у которой в глазах застыли слезы. Ого! И чем же ты провинилась перед Стейзи? Так смотрят, когда виноваты...

Решительный шаг ко мне – и я уже провожаю ее к алтарю. На мужа не смотрю, и так слышу, как крошится эмаль на его зубах. Ничего-ничего, я для сына лучшее выбираю, и что по этому поводу думает Радан, мне совершенно не интересно. Позже расскажет, если кишка не тонка при гостях претензии предъявлять.

Если муженек мазал перстом по лбу нареченного отца, то мне предлагалось подставить кольцо для поцелуя. Спасибо жрице, которая не дремала и подсказывала.

– Я, принцесса Арандиана Айверрская, герцогиня Вельерская, принимаю кольцо и называю себя нареченной матерью Илиаса Радана Дарремского.

Звонкий голос принцессы еще долго гулял эхом по залу – такая тишина вдруг образовалась. Я же пыталась понять то, что понять никак не получалось. Отчего все в таком шоке? Отчего Стейзи (а я руку дам на отсечение) не знала в лицо принцессу? Но при этом она была ей знакома! Для дочки нынешнего короля девушка старовата, навскидку года на два моложе Стейзи, а это двадцать один-двадцать два года. А тот примерно на семь лет (может, чуть меньше) старше герцога, а муженьку тридцать пять. Да и на трон король взошел холостым и относительно недавно – каких-то двенадцать лет назад.

Ровно с этой мыслью в меня полился поток информации из памяти Стейзи. Все верно, Арандиана – племянница нынешнего короля и дочь короля прошлого, который вместе с сыном и женой погиб во время поездки в Сарейтские горы. Происшествие считалось несчастным случаем (уж не знаю, как там было на самом деле, Стейзи верила в эту версию), и на трон взошел младший брат погибшего короля.

Так, ладно, позже со всем этим разберусь. Как и с тем, отчего такой титулованной особе дозволили опасное путешествие.

Ребенка принцессе подал Амадео. Так же, как ранее с ним, над ней и Илюшей закружились разноцветные искры. И да, была еще одна нить, была! Яркая-алая, видимо, цвета королевского дара, только шла она от сердца к сердцу! Прямо как у меня с сыном!

– Подойдите, – обратилась ко мне и герцогу жрица. – Отец, положи сыну руку на лоб, матушка, положи ладонь на сердце дитя. Избранные в нареченные родители должны повторить движение и уложить своих руки поверх дланей герцогской четы.

Ага, видимо, это и есть проверка божественная. Дозволят ли боги назвать выбранных претендентов нареченными родителями или нет?

И да, сына моего опять уложили на алтарь. Уж не знаю, о чем думал и что чувствовал ребенок, но даже не пискнул! Аж гордость взяла! Терпеливый зайчик!

После того, как мы выполнили требуемое, нас всех отметило разноцветным сиянием. Оно началось от наших рук, пока полностью не окутало Илюшу и почему-то меня. Причем таким плотным слоем, что перед глазами зареяло, но вместе с тем...

Я ощущала, как по венам быстрее побежала кровь, меня бросило в жар, потом в холод, сердце загрохотало забилось, дышать стало трудно... Однако это продлилось минуту, не дольше, потому что следом за этими ощущениями пришла волна облегчения, легкости и жизни. Именно жизни, которая наполнила собой каждую клеточку моего тела. Я вдохнула полной грудью и явственно услышала два голоса, словно глухое эхо.

– Одобряем...

И совсем тихо, вероятно только для меня:

– Ты справишься, дитя.

Справлюсь. Куда деваться?

К тому же я вдруг совершенно по-новому стала ощущать себя, в частности, свое нынешнее тело... Как будто не было ни изнуряющих месяцев беременности Стейзи, ни послеродового, пусть еще и небольшого периода, и горячки.

Нет, уверена, что внешне я как была бледной, так и осталась. Но внутри чувствовалась невероятный подъем и легкость, которые наводили на совершенно удивительные мысли. Спина, которая начала ныть десять минут назад, теперь совершенно точно не болела. И ноги не дрожали, хотя для меня, месяц просидевшей взаперти и толком не расходившейся, сегодняшний ритуал был настоящим испытанием.

Могло ли так быть, что этот свет, окутавший меня и сына, вылечил меня? Ну, может, не полностью, но с таким прицелом, что мне потребуется гораздо меньше времени на восстановление? Интуиция подсказывала, что я не ошибалась.

– Спасибо! – мысленно поблагодарила богов.

Не просто заявили, что справлюсь, а постарались привести организм в порядок. Остальное было уже делом техники и времени – питание, прогулки на свежем воздухе и отсутствие стресса.

С последним будет тяжело. Даже на мужа глядеть не надо, чтобы это понимать.

Я не успела убрать руки от сына, как жрец вдруг кулем свалился на пол. Жрица осталась стоять, но выглядела она так, что краше в гроб кладут.

Но я не успела ни испугаться, ни отдать хоть какой-то приказ... Да какое там! Я и спросить ничего не успела, как мне сунули Илюшу, к главному жрецу и жрице кинулись другие служащие храма, а наша компания тактично отошла в сторонку. А там и вовсе заторопилась на выход.

– С ними все будет в порядке, – шепнула мне принцесса. – Так всегда при благословлении одаренных детей. Жрец и жрица служат проводниками божественной силы. Пройдет день – и они восстановятся.

Неужели у меня появился личный проводник по магии и магическим процессам?

– Значит, о том, что Илиас одарен, теперь известно всем? – спросила я шепотом.

Но мне не успели ответить, герцог приблизился вплотную и довольно резко забрал из моих рук ребенка. Сыну-то он вреда не причинил, а меня ущипнул, гад.

И, конечно же, Илюша тут же завопил.

Вот ведь!

Еще и ворота нараспашку, и представление наследника народу должно пройти, а сын криком заходится... И что делать?

– Анастейзи, – обратилась ко мне принцесса и аккуратно взяла под ручку.

Я и так знала, что на представлении мать в стороночке стоит, но это не означало, что я спокойно стану наблюдать за тем, как надрывается мой сын.

– Вы же позволите себя так называть? Герцогу Его сиятельство Амадео все объяснит. И про Вашу связь с наследником тоже. Ваш муж более не позволит себе грубого обращения. А сейчас нельзя вмешиваться.

– Вы и про это знаете? – наверное, у меня волосы дыбом встали.

– Теперь – знаю точно, – тихо, но жестко ответила она. – Но раньше ничем помочь не могла.

– Меня не отношение мужа волнует. Что Вы имели в виду, говоря о связи?

– Не здесь, – качнула головой принцесса.

А я сделала глубокий вдох, подавляя желание вытрясти из этой девчонки все, что она знает, и отвернулась к спине герцога, который поднял над головой орущего ребенка.

Тебя бы, дятел, заставить долго и упорно орать, а потом еще в трех метрах над землей потрясти. Но рука нареченной матери держала меня крепко, и вырываться я не стала. В конце концов, это традиция.

Вместо этого я осмотрелась. Увидела слуг, которых в храм не пустили, людей, которые радостно гомонили, и детей, смотрящих на нас с надеждой, явно чудом и с боем пробившихся почти на глаза герцогской чете. Почти – потому что эти дети все равно далековато стояли.

Но выглядели они... Когда-то и я была одной из них. Ребенок войны, родившийся в сорок третьем и утративший мать в сорок четвертом...

Рыбак рыбака видит издалека. Это точно сироты. В таких вещах я не ошибаюсь. Слишком недетские взгляды. Волчата. Но в них все еще есть вера в чудо, в то, что они окажутся нужными кому-то.

– Пять, шесть, семь, – шептала я, пытаюсь сосчитать этих детей. Все были разного возраста, самые мелкие стояли впереди, чуть постарше – нерушимой скалой за их спинами, – восемь...

– Идите, – принцесса отпустила мою руку, – муж зовет.

Настолько увлеклась беспризорниками, что попросту выключилась из реальности. Нашла время!

Я пошла к мужу, на лице которого расцветала гадостная улыбка. О да, я помнила, чего он от меня хочет. И момент для обморока явно был упущен.

– Герцогинюшка! – завопили люди, встречая меня радостными улыбками.

Боюсь, моя ответная была вялой и вымученной.

Сына мне герцог не отдал. Встал по правую руку и, видимо, повторил то, что сказал до этого, а я из-за разглядывания сирот пропустила.

– Ее светлость неистово молилась о рождении здорового наследника и дала обет Священной Паре... – тут он замолчал и посмотрел на меня. Продолжай, мол...

Я не знала, о чем думают нареченные родители, но взгляд поверенного короля ощущала всей спиной.

– Герцог, – негромко позвал он. Люди внизу точно не слышали. – Вашей жене стоит отдохнуть...

Он явно пытался помешать мне говорить. Либо точно знал, чего добивается муж, либо просто догадывался.

И я могла бы принять его помощь, раз уж он вызвался взять огонь на себя, но...

– Верно, я дала обет Священной Паре, что если выношу и рожу здорового наследника роду Дарремскому, то... – я специально взяла паузу, чтобы народ утомился и затих, а мне больше не пришлось кричать, – возьму на воспитание сирот, пришедших сегодня к храму.

Я смотрела на тех самых беспризорников. Смотрела, ловя их взгляды, полные неверия и затаенной радости, и чувствовала себя скотиной. Отчасти.

Разве не понимала я, что окуну их в осиное гнездо? Еще как понимала. Но знала и то, что из них может вырасти. Особенно под чутким руководством сильной и, возможно, где-то жесткой руки, но в то же время щедрой на ласку.

Мне нужны свои люди. Нужны те, кто за меня, а в идеале – и за моего сына, сунутся и в огонь, и в воду, а там и медные трубы узлом свяжут.

Цинично? Такова жизнь.

И да, лучше, чем эти беспризорники, придумать нельзя. Думаете, дети мало понимают, мало могут? Только не эти, травленные, битые жизнью. Двенадцать человек. Двенадцать сломанных судеб... Но ведь они не сдались, не прогнулись. Пришли не поодиночке, а группой. И держатся друг друга: старшие защищают младших, а те не капризничают, слушаются.

Понятно, что по деревням сирот куда больше, и я еще уделю этому вопросу достаточно внимания, но именно эти – особенные. Они уже семья. Разношерстная. И хлебну я с ними тоже немало, однако волков бояться – в лес не ходить.

Но просто поманить хорошей и сытой жизнью мало, нужно для них стать всем. И я стану. Чего бы мне это ни стоило.

– Подтверждаю... – глухо, на едином выдохе произнес герцог. – Сопроводите сирот в замок!

– Славься, герцогинюшка! – грянул народ.

– Славься, герцог!

– Славься, наследник!

Этот раунд я выиграла. Нокаутом. Несмотря на то, что сладко моим подопечным не придется, но их не погонят на улицу и издеваться не станут. Как минимум месяца три. А все почему? А потому, что я обеспечила народу на это время интереснейшее зрелище. Впрочем, скорее сказку, что будет передаваться из уст в уста.

О том, чем дышат и чем занимаются в замке воспитанники герцогини, будут шептаться. Будут пытаться узнать и будут узнавать. На каждый роток платок не накинешь. И любое несправедливое и жестокое обращение по отношению к ним вызовет такую волну негатива среди народа, что герцог просто не посмеет что-либо сделать. Он хоть и баран, но не идиот.

Ладно, не совсем идиот. Раз смог сдержаться и не надавать мне оплеух при всем честном народе. А на это тоже немаленькая выдержка нужна.

Илья молчал, но не спал, ворочался в руках герцога, а тот за него, как за якорь держался. Во всяком случае, именно такое впечатление создавалось, потому что ребенка он пока отдавать не спешил. Хотя все дела мы уже переделали: родство подтвердили, именование завершили, народу представились, даже вроде как плюшками побаловали. Вон, до сих пор герцогские слуги щедрой горстью монетки в толпу кидают.

Давка такая, что смотреть страшно. А на лицах уже моих сирот, которых окружила стража, не позволяя ни им уйти, ни к ним кому сунуться, читается прямо крупными буквами: а не могла ли герцогиня после раздачи денег заявить об обете?

Я усмехнулась. И наконец отвернулась от жадной толпы, чтобы оценить обстановку среди знати.

На меня смотрели благосклонно, да и герцогу достались восхищенные улыбки. Правда, аргерцог глядел лишь на меня, и мне вновь почудилось, что сквозь года и сквозь миры на меня смотрят пронизательные и всегда такие добрые, понимающие глаза Сергея Денисовича, моего свекра.

Принцесса, судя по коротким приказам своей свите, собралась ехать в замок в одном экипаже со мной. Что было не так уж и плохо, потому что для Сарвенды места не осталось бы. Не было у меня желания помогать рыжухе сцеживать яд. Вот никакого.

– Люси, – позвала служанку.

– Да, Ваша милость, – девушка оказалась близко, в паре шагов от меня.

– Ты вернешься в замок с моими воспитанниками. Проследишь за тем, чтобы вас с комфортом доставили, а после проследишь, чтобы дети помылись, переоделись и были накормлены. После этого поднимешься ко мне, поняла?

Я неспроста отправляла с детьми именно ее, молоденькую, такую же сироту, а с целью ослабить бдительность беспризорников. Ибо поставь к ним кого постарше, они воспримут его как надсмотрщика, а значит, не откроются и слова из себя не выдавят.

– Да, Ваша милость.

Девушка и не подумала послушаться, бросила только короткий взгляд на камердинера а-ля секретаря герцога, который то ли невольно, то ли специально прислушивался к моему приказу и теперь стоял, чуть ли не рот разинув.

– Слышал? – обратилась к нему.

– Д-да, Ваша светлость.

– Исполни.

Мне повезло, что герцога заняли гости, живо что-то обсуждая с ним. Вероятно, как добраться до замка без происшествий. Впрочем, половина из них глазела на будущего герцога и сюсюкала с ним.

Я не стала ни влезать, ни прятать ребенка от чужого глаза. Что-то мне подсказывало: даже если кто нехорошо на него посмотрит, с Илюши все сойдет как с гуся вода.

Но как я уже сказала, мне повезло, что герцог был занят и не обратил внимания ни на мой властный тон, ни на приказ его человеку. Тот, конечно, попытался что-то сказать мужу, но тот на него рывкнул и отдал точно такой же приказ:

– Исполни.

Я снова усмехнулась. Видимо, перед гостями лица терять не хотел. Или свою роль сыграл Его светлость Амадео?

Конечно, от крика отца зашелся и Илья. А вообще, сколько можно мучить деточку? Он устал, кушать хочет и, скорее всего, в туалет...

– Что за... – выдохнул герцог, но моментально заткнулся. – Поди сюда!

Интена как раз была неподалеку и оказалась первой, за кого зацепился взгляд мужа:

– Переодень Его светлость.

– С Вашего позволения, – няня низко присела перед герцогом и только после этого протянула руки.

А потом скорым шагом пошла ко мне.

Фух... Все, ребенок со мной, пора и домой отчаливать. Где там наши кареты?

Глава седьмая

Если принцесса и планировала какой-то приватный разговор со мной во время поездки в карете, то его не случилось. Мы обе были вынуждены слушать концерт сына, который не желал успокаиваться. Видимо, терпение Илюши лопнуло, и он решил продемонстрировать то, как сильно недоволен всем происходящим.

До самого замка демонстрировал.

Поэтому из кареты я вылезла взмокшая, уставшая и мечтающая не только о ванне, но и о сне. Недельном. Принцесса выглядела не лучше, хотя ей и не пришлось постоянно раздеваться и одеваться, желая накормить чадушко. Но она искренне пыталась и убаюкать ребенка, и дать передышку мне – элементарно напиться воды и куснуть воздушную лепешку.

Да, с нами, конечно, была нянька, но она больше выполняла функции прислуги. Простите, это не так-то легко и быстро – в карете, не особо комфортной и просторной, заменить пеленки на свежие, смочить полотенца, найти сухие, подать... Опять же и корзина с провизией. Пока найдешь нужное, пока развернешь... А там и качнуть на такой дороге может нехило...

В общем, разговора не вышло. Но данная ситуация позволила мне не только рассмотреть принцессу со всех сторон, но сделать однозначный вывод – наш человек. Отнюдь не брезглива, не капризна. Маленьких детей явно не в первый раз увидела, и обращаться с ними умела. Полагаю, тренировалась на детях дядюшки. Король после получения трона в рекордные сроки женился и начал усиленно плодиться, сейчас у него было трое сыновей. А еще она явно придерживалась далеко не аристократических взглядов на воспитание детей, и, судя по всему, король и его семья – тоже.

Я еще не знала наверняка, но была больше, чем уверена, что он вместе со своей супругой принимает максимальное участие в жизни и развитии своих детей. А не спихивает все обязанности на нянек и гувернеров.

Странно, что при таком подходе королевской четы остальные аристократы предпочитали взвалить заботу о своих детях на чужие плечи. Кормилицы, няньки, черед слуг... А потом удивление – почему же дети не испытывают к ним чувств, а если все же испытывают, то в негативном ключе?

Собственно, родители самого герцога ровно так с ним и поступили: леди Розмаралья, родив наследника, сразу же передала его кормилицам и нянькам, и на следующей же неделе сбежала ко двору. Да и отец герцога недалеко от жены ушел, какого-то особого внимания сыну не уделял, разве что вечные проверки, придирки... В итоге выросло то, что выросло. Абсолютно безжалостное существо, не проронившее ни слезинки на похоронах своих родителей, а ведь те стали жертвами преступления – их ограбили на дороге и убили.

Понятно, что виновных нашли и казнили, но... Герцог скорее порадовался такому исходу, нежели расстроился.

Стейзи знала об этом и жалела мужа. Почти весь первый год замужества, думала, что он – лишенный настоящей ласки и любви родителей – просто не знал, какой должна быть настоящая семья.

Это чисто женское, помноженное на молодость и наивность – пожалеть тирана, найдя наиболее подходящую причину для оправдания его поведения. Я жалеть герцога не собиралась. И отдавать ребенка всецело на поруки чужим людям – тоже. И мне было приятно видеть, что члены королевской семьи разделяют мою точку зрения. Во всяком случае, Арандиана Айверрская.

В общем, в момент, когда мы наконец-то ступили на землю у замка, я была не в состоянии на любезности и хотела уединения, а поговорить по душам (что, собственно, больше требовалось совсем не мне) надеялась завтра. Потому что на сегодняшний вечер рассчитывать не

стоило. Праздничный ужин был назначен на восемь вечера. И наверняка он плавно перейдет в праздничный прием с танцами...

А мне там совершенно нечего было делать. Я не испытывала никакого желания находиться среди гостей, которых совершенно не знала. Да и мозолить глаза взбешенному супругу сегодня хотелось меньше всего. Пусть человек остынет и, наконец, просчитает свою выгоду от подобного союза с аргерцогом и Ее высочеством.

– Отойдите, – голос нареченного отца звучал ровно, хотя в нем чувствовался металл и скрытая угроза.

Я только вышла из кареты и протянула руку к корзине с сыном, а потому не видела, что происходит за моей спиной. Но слышала.

– Простите, Ваша светлость, – голос Сарвенды дрожал. – Я не знаю, что на меня нашло. Это все духота...

– Это отсутствие воспитания и знаний. Если Вы входите в свиту герцогини, то обязаны дожидаться свою госпожу, а не бежать в замок впереди гостей, оттаптывая им ноги. Кто Вы? Назовите свое имя и титул.

Да я собственную туфлю сжую, если Амадео не знает, кто перед ним! Зачем этот фарс?! И для чего он намеренно доводит моего супруга и его подстилку?!

Я обернулась, крепко держа корзинку, и не обратить внимания на перекошенное личико своего благоверного не могла. Герцог совершенно не держал лицо.

И тут можно было смело сделать вывод, что во время возвращения из храма ему активно полоскали мозг. А может, и ковыряли его чайной ложечкой, напрочь лишив остатков разума. Потому что сейчас это был человек абсолютно себя не контролирующий, что в его положении было чревато. Ибо рядом с нами находились люди намного выше по статусу. И я не бралась предсказать, чем все кончится, если сейчас он не сдержится и срочно не возьмет себя в руки.

И все же: для чего аргерцог проверяет его предел? Он же явно его дожимает на определенные действия!

Агрессия в мою сторону? Ему нужно, чтобы герцог прилюдно меня оскорбил или вовсе напал? Или не на меня?!

Я вдохнула, выдохнула и представила себя акробатом, который балансирует на канате высоко над землей. Неверное движение – и полет будет красочным, но кратким. Мне придется лавировать и манкировать. Причем последнее – по отношению к нареченному отцу. И, кажется, немного поиграть в идиотку.

Потому что гости уедут, а я останусь с психом наедине.

Потому что если сейчас произойдет прилюдная порка Сарвенды, ничем хорошим это не кончится. Да и... моя душа требовала большего для этой стервы, чем отправить ее восвояси. Нет уж, так легко она не отделается.

Передав корзину опешившей принцессе, я решительно направилась к месту «развлечения».

– Вы отказываетесь говорить? – наседали Амадео.

Я подошла к ним ближе и была тут же замечена.

– Герцогиня, я бы советовал сменить Вашу свиту. Могу порекомендовать двух леди, которые с радостью займут в ней место и не станут пренебрегать своими обязанностями и долгом.

Ага, то есть мне еще и своих людей пропихнуть хотят? Интересный многоходовой план. Мол, герцогинюшка, мы тут поможем, ручку протянем, а в итоге приставим к тебе согладатаев.

И сложно сказать, что хуже. Любовница под боком или шпионы короны?

Я все же была не железная и откровенно устала от этого фарса. И, похоже, помощь оказалась все же мнимой... Ну ясно же, что у аргерцога были свои резоны. Да и у короля тоже. Что совершенно не означало, что я соглашусь на роль марионетки.

Не желаю быть вдовой. Не сегодня. А к тому все идет. Один неверный шаг, попытка навредить такому гостю – и все! Здравствуй, меч и колода!

И что-то я сомневаюсь, что мне дадут возможность распоряжаться своей свободой, а не заставят рожать ребенка очередному «достойному» мужчине. Пока не докажу свою полезность, предпочтений не будет. Нет уж! Герцог – уже известное зло, и способы борьбы с ним хотя бы не настолько эфемерны, как с королем. Так что...

– Простите, Ваша милость.

Сарвенда склонилась так низко, что я всерьез опасалась, что она себе голову разобьет. Мне-то не жаль, да вот реакция мужа...

– Я – лишь дочь эдорнета Сандриана Эфдоха. Признаю свою вину и клянусь милостью Священной Пары, что не замышляла ничего дурного. Помилуйте, простите мне мою ошибку...

Я не смотрела на рыжую. Я смотрела на мужа и понимала, что у него совсем кукушка поехала. И в то же время... Как бы повел себя другой мужчина на его месте? Что сделал бы, когда прилюдно обижали его любимую женщину? Вряд ли сделал бы вид, что ничего не происходит...

А то, что герцог любит неистово, безумно, со всей страстью – никаких сомнений. Он повернут на этой женщине, он реально ею болен. Стоит, сжав кулаки, и уже делает шаг вперед, явно замышляя то, чего делать не стоит...

Опережаю его на долю секунды.

– Лекаря... – хриплю, хватаясь за ладонь мужа. – Плохо...

И оседаю в его руках.

Никогда не умела изображать обмороки. Но тут все сошлось одно к одному. Еще не ушедший жар солнца, отсутствие хотя бы легкого ветерка, откровенная духота, усталость от дороги, опять же сын, который умотал так, словно пахал на мне. Запах пота, от которого тошнило по настоящему...

К чести герцога, он меня все же подхватил. С него бы стало отойти и перешагнуть через жену, чтобы таки надавать тумачков обидчику. Но тут сыграл фактор внезапности. А еще подоспела помощь в лице Илюши. Крик, который издал сын, и мертвого бы пробудил. Я едва не вскочила, но вовремя опомнилась и продолжила изображать припадочную.

Именно крик ребенка убедил аргерцога, что мне плохо по-настоящему, а я окончательно уверилась в том, что ему известно о моей связи с сыном.

– Лекаря! – закричал Амадео. – Немедленно!

И только тут опомнился муженек. Подхватил меня на руки и широкими шагами поспешил в замок. Моя голова покоилась на его груди, а сам он крепко держал меня за талию и плечи.

Оказавшись в коридоре и понимая, что за нами несутся слуги, а аргерцог попросту не поспевает (возраст сказывается), я шепнула мужу:

– Вы мне должны.

Злость на лице мужа сменилась недоумением. Он даже с шага сбился, но быстро пришел в себя.

– Лгунья... – прошипел сквозь зубы.

Однако скидывать меня со своих рук не спешил. Все так же нес в мои покои. Правда, уже быстрее. Откуда только столько сил взял?..

– Считаете, что стоило не вмешиваться и дать повод королевскому поверенному усомниться в Вашем рассудке?

На это муж не ответил. Да и не получилось бы, потому что к нам уже несли лекаря с нюхательными солями, и я затихла на руках герцога.

– И как это понимать? – спросил муж уже в моих покоях, когда все улеглось.

Все – это значит: совсем все.

И лекарь осмотрел, и слуги переодели, и Ее высочество заглянула пожелать скорейшего выздоровления. Аргерцого, понятно дело, в спальню не пустили – не положено. Известий обо мне он ждал в гостиной.

Илюшу временно унесли в детскую, но я знала, что его принесут, как только гости разойдутся по своим комнатам.

Всем объявили, что я переутомила и получила тепловой удар, но мужу лекарь лгать не стал. Не настолько я была истощенной, чтобы в обмороки падать. К тому же Радан и так об этом знал, сама ж призналась.

И вот все ушли, а муж остался. И слуг чуть ли не пинком выгнал.

И теперь стоит, нависает надо мной и смотрит зло сощуренными глазами.

– Что именно? – он же не думал, что я испугаюсь?

Учитывая, сколько у герцога было возможностей меня ударить, пока никто не видел, я сделала закономерный вывод, что мужа таки просветили о моей связи с сыном, раз ничего не произошло. Видимо, ему очень хотелось, но вредить своему наследнику он не желал. Хотя какая-то положительная черта...

– Желаете выслушать весь список?

– Желаю, чтобы Вы взяли себя в руки и прекратили себя компрометировать. Нам оказали честь, а Вы собрались кидаться с кулаками на поверенного короля.

О том, ради кого, я благоразумно промолчала.

– Да, я сделала вид, что мне плохо. А нужно было смотреть на то, как Вы лишаете себя жизни, а заодно лишаете сына всех привилегий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.